

Алона Китта

Затянувшийся вернисаж

*роман из последней
четверти 20 века*

Алона Китта

**Затянувшийся вернисаж. Роман
из последней четверти 20 века**

«Издательские решения»

Китта А.

Затянувшийся вернисаж. Роман из последней четверти 20 века /
А. Китта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853616-8

Ленинград. 70-е годы. Юная провинциалка Лидия приезжает покорять северную столицу. Упорно борясь за место под солнцем, она не всегда разборчива в средствах.

ISBN 978-5-44-853616-8

© Китта А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	55
Глава 11	63
Глава 12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Затянувшийся вернисаж

Роман из последней четверти 20 века

Алона Китта

© Алона Китта, 2017

ISBN 978-5-4485-3616-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Шестнадцать ноль-ноль. Мой рабочий день закончен, и я дважды в неделю следую знакомым маршрутом: трамваем до Финляндского вокзала, оттуда электричкой до маленькой станции, там по узкой песчаной тропинке среди соснового леса до деревянного домика с башенкой. Знакомый стук калитки, знакомый скрип ступенек – я поднимаюсь по узкой деревянной лестнице и открываю дверь в комнату. За восемь лет я настолько изучила и этот маршрут, и обстановку этой комнаты, что этот маленький уголок земли стал мне почти родным. Большие окна с сиреневыми занавесками, куда заглядывают любопытные сосны, стол с тремя стульями, всегда чем-то заставленный или заваленный, узкая кровать, полки с посудой и книгами, и холсты, холсты, холсты и на подставках и вдоль стен. Запах красок и растворителей смешивается с запахом яблок осенью и с запахом сырости весной.

Я вхожу в комнату и оказываюсь лицом к лицу с тем, ради кого приехала. Как обычно, он стоит у мольберта (уже в который раз!), но, увидев меня, бросает все, идет навстречу, целует, помогает снять пальто – сегодня день очень холодный для начала лета. А потом начинается наше свидание. Вот уже восемь лет. Дважды в неделю.

В эти короткие встречи я чувствую себя счастливой рядом с единственным моим любимым мужчиной. Да что там трамвай или электричка, я и в 10 раз больше бы путь проделала ради него. Я живу двойной жизнью, но я согласна и дальше лгать и притворяться, и получить все тонкости актерского мастерства и притворства, но не могу отказаться от этих встреч.

Я глажу его волосы, смотрю в глаза, слушаю его голос – не устаю наблюдать за ним и удивляться каждому его слову или движению, как чуду, как открытию. Он мой, мне хочется и обнимать его, и тормошить, называя по имени, но в конце концов это ему надоедает, и он идет заваривать чай. Меня умиляет то, что он больше любит чай, а не кофе. Кофе целыми днями пьет мой муж, а здесь царство чая.

Мы сидим за столом. Михаил разливает чай, себе, как всегда, в красную чашку, а мне в белую, с фиалкой и ромашкой сбоку, а я раздумываю, что бы съесть сначала – сушку, конфету или курагу. Михаил смотрит на меня напряженно, и я знаю, какой будет его следующая фраза.

– Ну и когда же мы будем с тобой вместе, Лидушка?

Угадала! Каждый раз он заводит разговор о браке, а я не решаюсь ответить «да». По разным причинам. Вот и на этот раз прикидываюсь дурочкой:

– Мы и так вместе, Миша.

Он трясет головой.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. У нас могла бы получиться отличная семья.

– У меня есть семья.

Михаил молчит. Он знает, что у меня есть семья, что я не могу ее оставить, и это нужно осознать как неизбежное, как объективную реальность, но упорно спрашивает об одном и том же. Его затянувшееся молчание заставляет меня оправдываться.

– Я же люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, но мне надоело делить тебя с кем-то. Лида, я прошу – или-или. Или останься с Виктором, или уйди ко мне.

Роман не может длиться вечно. Однажды появляется дилемма – брак или конец. Я робко прикасаюсь к его руке и прошу: «Не мучай меня, Миша. Я не готова принять решение. Пусть все останется так, как есть. Пока.»

Он кивает, он соглашается, потому что не в силах расстаться со мной. Для него тоже мучительна эта неопределенность, и роль мужа ему лучше подходит, чем роль любовника.

Я смотрю украдкой на часы, чтобы не раздражать Михаила. Ему нож по сердцу, когда я начинаю собираться обратно, но сейчас он ничего не заметил.

Электричка через полчаса, идти мне до нее пять минут, и за оставшееся время я готовлю ужин для Миши. Бросаю на себя взгляд в зеркало: фартучек, косынка, нос в муке – умереть можно от смеха. С таким бы рвением стряпала дома, а то бедному Виктору частенько приходится и варить, и жарить, а я отговариваюсь тем, что от жара плиты у меня болит голова. Отчасти это правда, но, может быть, чуть-чуть притворяюсь. Не стоит большого труда потереть виски, закатить глаза и повторять слабым голосом: «Ой, Витя, невозможно болит голова. Сделай что-нибудь».

Виктор мне верит, я избавляюсь от нелюбимой работы на кухне и досаую, что не стала актрисой.

Но здесь все не так. На Мишиной кухне я чувствую себя полной хозяйкой: и плита не раздражает, и голова не болит. Миша следит за мной взглядом и улыбается. В такие минуты легко представить, что мы жннаты много лет.

За треском кипящего масла я слышу веселый Мишин голос: «А ты знаешь, Лида, я продал картину!»

Я отчетливо различаю нотки ликования – не так часто случается ему продать свое творение, поэтому меня так и подмывает спросить, за сколько, но Миша не любит разговоры о деньгах и я ограничиваюсь тем, что говорю: «Я рада. Теперь все у тебя будет хорошо.»

Да, стоило бросать институт и малевать эти бесконечные холсты, если они не приносят материального благополучия. За все время нашего романа я по пальцам могу сосчитать, сколько раз у Михаила покупали картины, но ведь на такие суммы не проживешь. Вечерами Михаил сторожил дачи или разгружал вагоны, а днем упорно рисовал, пополняя ряды холстов у стены и пресекая на корню мои попытки завязать разговор о том, что хорошо бы вернуться в институт, закончить, получить престижную, хорошо оплачиваемую работу.

«Лида, прекрати! Я доволен своей судьбой», – обычно отвечал он, а я не решалась признаться, что как раз для меня и деньги, и престиж имеют значение.

«Слишком дорого я заплатила за свое благополучие», – подумала я, помешивая на сковороде.

Тем временем наступила пора идти на станцию. Миша пошел меня провожать. Было темно. Прошел дождь, но вся вода просочилась в песок, и лишь с иголок сосен иногда срывались тяжелые капли. Мы перебрасывались короткими фразами, а на платформе постарались найти самое неосвещенное место.

«Конспирация!» – про себя усмехнулась я, а в сердце закралась мысль – сомнения: неужели за восемь лет никто не догадался...? На горизонте появились огни – это медленно неотвратно приближалась электричка. Михаил о чем-то говорил, а потом неожиданно спросил: «Как там моя дочь?» Этот вопрос всегда заставлял меня вздрагивать, так случилось и сейчас, и я постаралась придать голосу как можно больше спокойствия и равнодушия.

«А что дочь?» – ответила я, пожав плечами – «Дочь растет.»

Да, дочь растет, но не заставляй меня чувствовать себя преступницей, Миша! Электричка подлетела с шумом и грохотом. Я торопливо поцеловала его и подбежала к двери, там помедлила секунду, не упустив возможности уколоть на прощание: «А что, Доре Соломоновне не захудеет от такой невестки?» Михаил поморщился, дверь захлопнулась, электричка тронулась. Все.

Глава 1

В детстве меня звали Лида Егорова. Я жила в деревне и была четвертым ребенком из пятерых в семье механизатора Павла Егорова. До 16-ти лет мне только трижды удалось побывать в Ленинграде, ни разу в Москве, не говоря о других городах. О том, чтобы отдохнуть где-нибудь на берегу Черного моря, не только я, но и родители мои мечтать не смели.

Сейчас меня называют Лидия Павловна Воскресенская, я живу в Ленинграде, имею высшее образование, приличную работу в приличном месте, мужа профессора, двоих детей, машину, дачу – да нужно ли перечислять все, что я имею к своим 34-ем годам. Ну и любовника, конечно. Но это особый разговор.

В нашей деревенской школе я училась лучше всех. Учеба давалась легко, и мне казалось, что также легко я поступлю в какой-нибудь институт. Радужные перспективы рисовались в мечтах – Москва и Ленинград, студенческая жизнь, красный диплом, хорошая работа, большие деньги.

Думаю, что родителей подобные мысли не посещали. Трое моих старших сестер учились не шатко, не валко, но повыходили замуж, закончили курсы или ПТУ, а теперь жили в райцентре, навещая родной дом по выходным или во время уборки урожая. А мы с младшим братом – книжники-отличники, моральные уроды в родной семье – задачки с олимпиад щелкали как орешки, книги в сельской библиотеке все перечитали, да и разговоры наши не про обыденное, знакомое. Местные кавалеры не интересовались мною – слишком умная! Мама смотрела с укоризной: Ленинград, институт, а на какие деньги?

«Ученой станешь, Лидуша – найдешь ли время нас с отцом навестить?» – частенько говорила она. Я молчала в ответ. Только бы выбраться из этой глуши, а там видно будет.

Неожиданно все устроилось само собой. Медаль мне вынуждены были дать – еще бы, 10 лет круглых пятерок, пусть и в сельской школе, чего-нибудь да стоят!

Отец стал зарабатывать побольше, так что тридцатник в месяц мне был твердо обещан. А жить в Ленинграде пригласила к себе тетя Дуся, мамина сестра. Жизнь обещала круто измениться и в лучшую сторону. Перед отъездом в Ленинград я вставала и ложилась с чувством постоянной восторженной радости, даже грязную работу делала улыбаясь – я ничего не замечала, погруженная внутрь себя, в свои мечты. Понятно, что в мечтах я уже была далеко.

Наконец наступил день отъезда. Приехали сестры с мужьями и племянниками. Мама собрала на стол. Отец принес из магазина бутылку белого и красного. И тогда мне впервые налили рюмку красного, кстати, вино это называлось «Лидия». Все пили за меня, за мою удачу, за мою учебу, желали счастья, лезли целоваться. Я улыбалась, что-то отвечала, но про себя знала, что ни в коем случае не вернусь сюда. Никогда. Ни за что.

Младшая сестра отца, Дуся, жила в Ленинграде чуть ли не с первых послевоенных лет. Правда, хоромы ее представляли собой 15-ти метровую комнату в коммуналке на загородном проспекте. Она была одинока, работала проводницей, но ведь у нас одинокие проводницы и не живут во дворцах. Ездил она по маршрутам с Витебского вокзала – на Украину и в Белоруссию. Думаю, тетя Дуся была даже довольна своей работой – а как бы иначе ее удалось посмотреть столько городов и весей, а потом рассказывать на коммунальной кухне о поездках, удивляя соседок ранней черешней, необыкновенно дешевыми грушами или помидорами.

Каждый год она проводила отпуск у нас в деревне, где в ее распоряжении был чулан в коридоре. Тетя Дуся приезжала без предупреждения, зато с питерскими подарками и гостинцами; и весь месяц жила тихо и незаметно, как мышка, ежась под строгими мамиными взглядами и стараясь пореже попадаться ей на глаза. По утрам, когда наша семья еще спала, тетя Дуся с кошелкой или бидоном ходила в лес, а после обеда ей всегда было занятие – перебирать

ягоды или чистить грибы, а потом варить, солить, мариновать, закатывать. Мама ворчала недовольно: и таз для варки варенья вечно занят, и дров не напасешься. Тетя Дуся робко совала банки с заготовками, которые мам ставила в погреб, но добрень не торопилась.

Уезжала тетя Дуся тоже незаметно, как и приезжала, никто ее не провожал на станцию, только брат помогал иногда нести тяжелую сумку с соленьями и вареньями – тетины запасы на зиму. А потом за весь год присылала раза два – три поздравительные открытки, на которые, как правило, отвечала я.

Писать письма в нашей семье не любили – да и что писать? Дети здоровы, урожай собран, цыплята по осени сосчитаны, а в тетиной жизни ничто не предвещало изменений: никто за ней не ухаживал и не было пиццы для сплетен друг или соседок. И так все шло из года в год.

Да, так обстояли дела, когда я приехала в Ленинград. Тетя Дуся поставила для меня раскладушку и выделила полки для белья в огромном шкафу. Пока я распаковывала чемодан и обустраивалась на тетушкиной жилплощади, она то бегала на кухню ставить чайник, то расставляла чашки и тарелки на круглом столе, то открывала консервы, и все время я говорила, говорила, будто решила наговориться за всю свою одинокую жизнь.

– Я так рада, так рада, что ты будешь жить у меня. Лидуша, возьми плечики. Тебе варенье вишневое или из абрикосов? Я привезла отличные абрикосы, целое ведро и очень дешево. Повесила платье? Сейчас по телевизору «Большая перемена», вторая серия.

Она болтала без умолку, я ей поддакивала или кивала головой, хотя, наверное, могла и не отвечать, тетя Дуся этого не заметила бы.

Мы сели за стол и тетя спросила:

– Куда же ты будешь поступать, Лидуша?

– В финансово – экономический.

Тетя отнеслась к этому не слишком благосклонно.

– Ну уж и выбрала, – сказала она, – всю жизнь чужие деньги считать... Поступай-ка ты лучше в ЛИИДТ. Да ты не морщись, не морщись. Железная дорога это не так плохо. Знаешь, какие деньги диспетчера зарабатывают...

Я выслушала тетю Дусю и поступила по-своему. Она примирилась с моим выбором – «ну что ж, и главному бухгалтеру неплохо платят», но как только мы приехали в институт подавать документы, стойкая неприязнь тети к финансовой профессии не только вернулась, но и усилилась.

– Лида, что же ты делаешь? – воскликнула она – Тут же бабье царство! – и решительно добавила: «Забери заявление, пока не поздно, здесь тебе век жениха не найти.»

– Тетя, но я же не за женихами сюда приехала! – возмутилась я.

– А как же не за женихами? Не дай Бог, время уйдет, останешься такой же горькой бобылкой как я...

Я же была полна решимости грызть гранит науки до получения красного диплома и улыбнулась в ответ. Впрочем, меня тоже смутило наличие множества студенток и абитуриенток. Представители противоположного пола встречались редко, да и особого внимания не привлекали своей худосочностью по сравнению с деревенскими сверстниками. В какой-то миг я была готова послушать тетю и отнести документы в ЛИИЖТ, где, по ее словам, парней было во много раз больше, чем девчат, но не решилась.

Поступление в институт прошло без неожиданностей. Я сдавала вступительный экзамен в групп медалистов, сдала на «пять», и тут же меня поздравили с зачислением.

В коридоре толпились абитуриенты, их родители, еще какие-то люди. Тетя была в поездке, так что меня никто не ждал, но когда я вылетела из экзаменационного зала сияющая, все воззрились на меня, и на несколько секунд в коридоре воцарилась тишина, а потом как прорвало – все разом заговорило, кто-то что-то спрашивал, кто-то поздравлял. Меня под-

талкивали из одной группки ожидающих своей участи к другой, я всем говорила одно и то же: да поступила, да, уже сказали об этом, да, ответила на все вопросы, да, дополнительные были, но не очень сложные. Наконец, меня оставили в покое, и я, прижимая руки к пылающим щекам, встала у окна. Дома никого не было, и я решила понаблюдать, как сдают другие.

Дверь открылась, вышла следующая девочка. Те же восклицания, те же вопросы, те же переходы от группы к группе – и вот она очутилась рядом со мной. Мы взглянули друг на дружку и улыбнулись. Девочка была очень милая – стройная, сероглазая, светловолосая.

– Можно поздравить? – спросила я.

– Да, взаимно. Я слышала, как тебя хвалили экзаменаторы. Нет, правда, без дураков, ты отвечала блестяще.

– Спасибо. Надеюсь, ты ответила не хуже.

Мы познакомились. Девочку звали Оля Саманова. Оля – коренная ленинградка, родители – врачи.

– Они хотели, чтобы и я поступила в медицинский, но меня не привлекает перспектива продолжать семейную династию медиков Самановых, – сказала она.

– Династию? – удивилась я.

– Ну да. Мой прадедущка был земский врач, дедушка – военный хирург, а родители работают в больнице Мечникова.

Мне все же было непонятно, чем это плохо – продолжить семейную династию. В отношении меня это было неприемлемо – я не хотела доить коров, как мама, бабки и прабабки, но на Олином месте я бы не говорила столь категорично.

Оля продолжала рассказ. Жили Самановы на 10 линии Васильевского Острова в старом доме, в большой однокомнатной квартире. В дальнейшем, будучи в гостях у Оли, эта квартира повергла меня в изумление ужасной непрактичностью и былой красотой. Былой – потому что от старых времен сохранились камин с изразцами красоты необыкновенной и лепнина на высоких потолках. А непрактичностью – потому что ванна находилась в кухне за занавеской (я и не знала, что в Ленинграде это часто встречается!), окно кухни темное – свет загораживает стена соседнего дома, поэтому даже в ясный летний день там необходимо включать электричество, а туалет расположен в бывшей кладовке, как раз напротив входа в гостиную.

Комната в квартире Самановых была большая, метров около сорока. Вдоль стен стояли старинные посудные и книжные шкафы, а в середине – круглый стол. Впрочем, Олины тахта, столик и этажерка находились в громадной прихожей.

– Это мое царство, – сказала Оля, показав мне свое обиталище в первый мой приход. Я подумала, что это неудобно – жить в проходной комнате без окон, но казалось, Оля не обращала на это внимание.

Судя по Олиным рассказам, родители ее редко бывали дома, и она оставалась в квартире полновластной хозяйкой. Это должно было развить в ней самостоятельность, и действительно, Оля умела делать практически все, умела разговаривать с людьми в магазинах и конторах. Казалось, она найдет выход из любой ситуации, и именно такая подруга мне была нужна – я иногда стеснялась спросить что-нибудь в магазине или на улице, да и Ленинград плохо знала. В какой-то степени я хотела быть ведомой кем-то по лабиринтам жизни, и Оля Саманова лучше других подходила для роли поводыря. По крайней мере, в тот период.

И все получилось хорошо: мы с Олей попали в одну группу, и на всех лекциях и занятиях сидели вместе. Группа меня разочаровала: 20 девушек и трое парней. К парням я отнеслась критически: занюханые. И до последнего курса никакого интереса к ним не проявляла.

Девушки же интересовали меня больше. Правда, пятеро были иногородние и все такие же невзрачные, как я. Но ленинградки... Ленинградки – это совсем другое дело. Сведя на минимум контакты с иногородними, они держались стайками и в полголоса щебетали на лекциях, угощая друг друга карамельками, шоколадом или передавая по ряду пакетик с чипсами.

Меня они и вовсе не замечали. Только на первом занятии, когда мы знакомились друг с другом, красивая девушка Алиса, услышанное имя, бросила на меня презрительно – уничтожающий взгляд.

– Лида? – переспросила она. – Лидия? Но это же деревенское имя, фи! Сейчас так не называют.

Меня захлестнула обида, даже слезы навернулись на глаза, но плакать было нельзя: если заплачешь в первый же институтский день, то, как пить дать, будешь проливать слезы и дальше.

– Деревенское? – я старалась говорить, как можно спокойнее. В конце концов, кто такая Алиса, и чем она лучше меня? Разве только тем, что ей посчастливилось родиться в столице. – А я думала, греческое.

Девушки заулыбались, Алиса заговорила ласково, почти запела:

– Греческое, римское – не имеет значения. В городе такого имени не встретишь. Она голосом выделила – «в городе». Ах, в городе, ах, не встретишь. Подумать только, как мне не повезло: мое имя не устраивает Алису! Но это обстоятельство сменило обиду в моей душе на злость.

– Между прочим, певица такая была, Лидия Клемент, ленинградка, – заявила я.

– Что значит, была? – спросила Алиса.

– Она умерла уже.

– Ах, какая жалость, – пропела Алиса, закатив глаза. И все засмеялись. Да, весело мне будет в этой группе!

– Ну что ты, Алиса, цепляешься? – сказала другая девочка, – Нашла к чему прицепиться. Даже стихотворение такое есть – шедевр поэзии – «Хорошая девочка Лида».

Кстати, эту девочку – знатока поэзии – звали Ася, Анастасия, но никому и в голову не приходило прицепиться к ней, хотя у нас в деревне Насть намного больше, чем Лид.

Ася меня притягивала как магнит своей необычностью, и я наблюдала за ней во время лекций и занятий. Нельзя было ее назвать красавицей, но пышные пепельные волосы, ясные голубые глаза и идеальная фигура делали ее неотразимой. В наших спорах и разговорах она почти не принимала участия, но если уж говорила, то это было резюме или завершающий штрих в любой беседе. Не могу сказать, была она доброй или злой: к Асе эти понятия не относились – она как бы парила над нами в вышине, не вникая в наши проблемы.

Одевалась Ася тоже не как все. Не знаю, дорого или не слишком, но необычно и если учесть то обстоятельство, что я некоторое время ходила в институт в черной юбке, белой блузке и с комсомольским значком, да и многие были одеты в том же стиле, то Ася смотрелась ярким цветком среди нас. Черные колготки, сиреневое короткое вязаное платье – в этом я не видела ничего такого, но сиреневые туфли, сиреневая заколка, а еще помада и лак для ногтей в тон – это мое тогдашнее сознание не могло вместить!

А на следующий день Ася приходила во всем красном, включая косметику. И я с ужасом ждала, какого цвета будут ее ногти, когда она придет в зеленом. Дождалась: однажды Ася пришла в зеленом, но на ногтях вообще не было лака.

На лекциях я старалась сесть так, чтобы держать ленинградок в поле зрения и слышимости. Оля Саманова садилась рядом, не замечая моих хитростей. А я слушала, слушала, слушала чужие разговоры.

– Посмотри, какой чудесный крем. Мне посоветовала мамин косметолог.

– Дай «Иностранку» почитать, в седьмом номере «Немного солнца в холодной воде».

– А ты читала «Любите ли вы Брамса?»

– Эмма продает французские туфли. Платформа – прелесть. Десятки не хватает – займу у Саши Товстоногова.

– Ты с ним знакома?

– Мой дедушка писал рецензию на спектакль его папы.

Кремы, рецензии, Франсуаза Саган, артисты, писатели, премьеры, новинки моды – как все это было интересно и как далеко от моей прежней жизни.

Я слушала, впитывала все, как губка, запоминала названия – пригодится когда-нибудь. Пока меня не смущало то, что я не читала ничего Франсуазы Саган или Камю, что я не бываю на премьерах – вообще пока не была в театре.

– Наверстаю, – успокаивала я сама себя – Главное, я живу в Ленинграде.

Да, Ленинград меня покориł раз и навсегда. Его дивная красота, его ритм жизни, толпы на Невском, его витрины, афиши – я наслаждалась всем этим. Меня не раздражали ни давки в метро, ни толкотня за билетами – наоборот! Я чувствовала себя причастной к жизни великого города, и гордость переполняла мое сердце.

Я была не просто счастлива в то время, я просто купалась в волнах счастья. И даже мелкие неприятности, типа, Алисиных подковырок, меня не занимали. Пока еще не встал вопрос о постоянной ленинградской прописке, о распределении, но для себя я уже решила ни за что не уезжать из Ленинграда, хоть ноготком зацепиться.

«Я им еще не надышалась, – думала я – да и надышусь ли когда-нибудь?»

Глава 2

Дни летели за днями, незаметно прошел сентябрь, а в начале октября у меня появился первый в жизни поклонник. Сейчас смешно об этом вспоминать, но тогда для меня это было очень актуально, во-первых, потому, что никто еще из противоположной половины человечества не обращал на меня внимание, во-вторых, все девчонки в группе только и говорили о своих парнях или мужьях. Да, да, у нас в группе уже были несколько замужних, их разговоры вертелись вокруг мужей и семейных забот. Замужние с гордостью носили новенькие обручальные кольца, еще не успевшие потускнеть от обыденных дел, да, казалось, сама обыденность их пока что занимала. Ну какая разница, где купить хорошую ветчину или как приготовить тушеное мясо с грибами, или достать какую-нибудь красивую вещь для кухни. Я морщилась на эти разговоры, завидуя в глубине души. Найдется ли человек, за которого я выйду замуж, появлюсь в институте с новеньким обручальным кольцом и буду болтать на лекциях с нашими дамами о каком-нибудь рецепте пирогов. Так вот, в начале октября в одном из ДК, сейчас уже не помню, в каком, состоялся межинститутский вечер для первокурсников. Мы все получили пригласительные билеты.

– И ничего хорошего не будет, – сказала Ася, – столько народу в небольшом зальчике и не разглядеть никого.

– А тебе-то зачем смотреть на кого-то? – спросила Алиса – У тебя есть Скоков.

Скоков числился Асиным поклонником. Он учился в театральном на последнем курсе. Ничего удивительно в том, что Ася встречалась с будущим актером: она сама происходила из актерской семьи.

– И все-таки будет одна давка и толкотня.

Но Асины пророчества остались не услышанными: подумаешь, давка и толкотня! Зато сколько возможностей с кем-нибудь познакомиться!

Не знаю, кому как, но для меня этот вечер значил столько же, сколько бал для Золушки. Выбрала лучшее платье, лучшие туфли, нарядилась и поехала к ДК ждать Олю. Она задерживалась, и я стояла на лестнице, разглядывая спешащих в ДК. Вдруг кто-то схватил меня за плечо.

Я обернулась и увидела Асю.

– Егорова, ты на вечер?

– На вечер.

– В таком виде?

– А что?

Я была удивлена, Аська же презрительно хмыкнула и сунула мне зеркало под нос:

– Это кто? Матрешка расписная или елка новогодняя?

– Что ты цепляешься, ты же сама накрашена!

Аська не желала слушать мои оправдания, и потащила в туалет, где заставила смыть и тушь и тени, и румяна, и пудру. Из зеркала на меня смотрела мокрая рожа с растекшейся краской и я заскулила.

– Перестань выть! – прикрикнула Ася и вдруг добавила другим тоном – Лида, ты же прихорошенькая, зачем тебе эти гадкие краски?

– Как зачем? Я... я... я... – у меня уже не было слов, одни рыдания, но Аська сунула мне в руки красную пластмассовую коробочку – оказалось, это косметический набор – и принялась колдовать.

Скоро моя зареванная рожа в зеркале превратилась в довольно симпатичную: глаза стали больше и выразительнее, а цвет из неопределенно-серого превратился в ярко-синий, стоило Асе слегка тронуть синей тушью мои ресницы. Нежно – розовая помада подчеркивала мяг-

кость губ. И никаких теней и румян. Я и ахнуть не успела, как Аська принялась за мои волосы. Она их уложила по-другому и это сделало меня взрослее. Зеркало бесстрастно отражало все эти превращения. Я была в состоянии какой-то восторженной заторможенности, хотелось продлить это чудо преображения – мгновение, прекрасно ты!... Ася отошла на несколько шагов полюбоваться на свою работу. По лицу ее ничего нельзя было понять, нравится ей свое произведение или не очень.

И вдруг она приказала: «Раздевайся!» я сразу очнулась: «Как?»

– А вот так! Снимай платье, пойдешь в моем.

Я даже рот разинула от удивления! Пойти в Асином платье!!! Конечно, мое тоже вполне приличное платьице, но Асино – это что-то необыкновенное.

Я помедлила секунду, как бы не поверив в серьезность такого предложения, и начала расстегивать молнию. Через несколько секунд я уже замерла перед зеркалом платье, а она надела мое. На лице ее скользнула улыбка – видно, это был последний штрих художника.

– Асенька! Ты чудо, ты волшебница!

Именно волшебница, сказочная фея, превратившая меня, бедную Золушку, в принцессу. Ася ничего не ответила, она поправляла перед зеркалом мое платье – со стороны оно мне показалось уродливым.

– А как же ты? – спросила я с сожалением.

– А никак, – бесшабашно ответила Ася, – Скоков меня в любом узнает и добавила: «Бывают случаи, когда не платье красит человека, человек платье».

Раздался звонок и мы поспешили в зал. Меня уже разыскивала Оля, а Асю Скоков. Я не заметила на его лице разочарования на его лице от того, что Ася переменяла наряд. Он поцеловал ее в щечку и негромко сказал: «Асенька, ты как всегда оригинальна». Да, это был тот случай, когда человек украсил собой платье.

После небольшой торжественной части начались танцы. Ася оказалась права: давка, толкотня, мелькание лиц перед глазами. Короче, яблоку негде упасть, не то чтобы познакомиться с кем-то в такой суе. Сыграли один танец, другой танец, третий, а мы с Олей стояли затисканные в какой-то угол, незаметные и никому неинтересные. Я делала вид, что все идет как надо, что необязательно танцевать, а можно просто смотреть на других танцующих. Оля безмятежно улыбалась, наверное, тоже делала вид. Но через некоторое время все это мне надоело, я даже зуд како-то чувствовала в ступнях – так хотелось танцевать.

Посмотрела налево – группка девчонок, направо – тоже самое. Что за невезение – бабье царство, да и только, но как гласит известная пословица, под лежащий камень вода не течет, и я, подхватив Олю под руку, пошла поискать такое местечко, где есть кавалеры, хотя бы несколько. Короче говоря, отправилась на поиски приключений. И действительно, кто ищет, тот всегда найдет – навстречу нам, пробирались в толпе два парня, и один из них, блондин в пестром джемпере, наступил мне на ногу. Он шумно принялся извиняться, увидев, что я поморщилась от боли. – Простите, я не видел. Наверное, из-за меня вы не сможете танцевать.

Я презрительно посмотрела на него. Вероятно, мой взгляд был достаточно красноречив, так что блондин скомандовал другу: «Гарик, потанцуем с девочками.» И блондин протянул руку мне, а Гарик, высоченный тип в джинсовом костюме, пошел танцевать с Ольгой.

Нелепо было даже предположить, что я не смогу танцевать – музыка и ритм движений тут же захватили меня. Хорошо, что мы с Олей не остались в темном углу.

Блондин тут же вступил в разговор. Он поведал, что зовут его Фред, они с другом учатся в Корабелке, оба ленинградцы, но снимают квартиру, так как родители надоели со своими нотациями.

Я ответила на все его вопросы: да, учусь на 1 курсе, да, в финансово – экономическом, да, мы с подругой ленинградки, но я живу у тети. На вопрос Фреда, где мои родители, ответила, что их нет, и постаралась придать лицу трагическое выражение. Очевидно, мне это удалось –

Фред перевел разговор на другое, а именно на мою подругу Ольгу. Я не жалела красок и слов, расхваливая ее.

А фантазия моя была столь безгранична, что скоро я сделала Олиного папу академиком, Олину маму отослала за границу (вот бы она удивилась!), их старенький «Москвич» превратила в новехонькие «Жигули». Причина была в том, что мне Фред не понравился, так может быть, он Оле подойдет. А Фред ловил каждое мое слово и посматривал на Ольгу с интересом. Танец закончился, произошла смена партнеров.

Гарик оказался не столь разговорчивым, как Фред, и я мучительно выискивала тему для беседы. Наконец меня осенило похвалить его модный джинсовый костюм.

– Да, я его из Штатов привез, – заулыбался Гарик.

– Из каких Штатов? Соединенных?

– Конечно. Из каких еще.

Только такая дурочка, как я, могла поверить, что Гарик мог просто так сесть в самолет и слетать в Америку, но я поверила, не задаваясь о том, как его туда выпустили и на какие шиши он приобрел билет. С уважением взглянув на Гарика, я спросила:

– А че ты там делал? По культурному обмену, что ли?

– А? Что? – переспросил он, – Да, да, вот именно, по культурному обмену.

Не буду далее утомлять подробностями этой вечеринки, скажу сразу, что меня поехал провожать Гарик, а Ольгу Фред. Впрочем, наши романы были недолговечны – Оля рассталась со своим кавалером через неделю, а мы с Гариком продержались месяц, и не могу заподозрить, что чье-либо из четырех сердец осталось разбитым. Я не испытывала к «джинсовому» мальчику глубоких чувств, но мне нравилось приходить к нему в парк на свидания, ходить по городу и, конечно, целоваться. К более близким отношениям мы не переходили, хотя я и приглашала Гарика к себе в те дни, когда тетя Дуся была в поездках, но его хватало только на поцелуи или иногда, как бы невзначай, коснуться рукой моей груди. Впрочем и это вызывало во мне новые приятные ощущения.

Конец пришел неожиданно. Однажды вечером мы сидели в тетиной комнате, как вдруг раздался звонок. Я подумала, что вернулась тетя Дуся, возможно, поездку отменили или случилось что-нибудь, но оказалось, что приехала из деревни моя старшая сестра с племянником. Мы обнялись.

– Лиденька, я в отпуске. Поживу у вас недельку, по магазинам похожу, в ДЛТ, «Гостинный двор». Папа вон деньги тебе прислал, хорошо получил за уборочную.

И оглядев меня с ног до головы сестра добавила: «А ты совсем городская стала. Лидуша, давно ли из деревни!»

Гарик попрощался, ушел и больше не приходил. Недоумение мое по этому поводу длилось недолго, вскоре я о нем позабыла в текучке дней и событий. А разрешилось все недавно, лет 5 назад, когда столкнулись нос к носу на Невском.

– Лида Егорова? – окликнул он меня.

– Была Егорова, – я вглядывалась в высокого мужчину, не узнавая.

– Я же Гарик.

Гарик! Ну конечно же он, «джинсовый мальчик». Но как же он изменился.

– Гарик, сколько лет, сколько зим.

– А я тебя сразу узнал. Ты все же, Лида, осталась в Ленинграде.

Я удивилась: у нас никогда об этом и разговор не заходил, почему же это так интересуется Гарика. И тут меня осенило!

– А ты остался...? – осторожно спросила я.

– Остался. Я на ленинградке женился, – весь вид Гарика говорил о довольстве своей судьбой.

– Так ты познакомился со мной из-за ленинградской прописки?

– Ну да. Фред говорит: «Вот подходящие девчонки ленинградки, закадрим их». Ну мы и попытались. А че, Лид, кому охота в Тьмутаракань ехать? Я же не знал, что ты... но это... ну...

Он замялся, но я и так поняла, что он хотел сказать. Оказывается, Фред с Гариком умели фантазировать не хуже моего.

– Ясно, ты был разочарован, нарвавшись на иногороднюю, – вздохнула я.

Гарик старался не смотреть мне в глаза.

– Я как услышал, что ты из деревни... Надоело, понимаешь, в Старице картошку копать.

– Понимаю... И в Америке ты не был?

– Да ты че, какая там Америка! Я на юг-то только 2 года назад выбрался!

– Что ж так слабо?

Я смотрела на него с откровенным презрением, хотя и он имел право смотреть на меня так же.

– И вообще, я не Гарик, а Егор, – вдруг сказал он ни с того ни с сего.

– А Фред стало быть Федя?

– Нет, он и правда Фред. Альфред, честное слово. Альфред Попков, надо же! Только ему не повезло, уехал по распределению. Молчание. Ну что утт скажешь, если не повезло бедняге Альфреду и он не смог хотя бы коготком зацепиться в северной столице! Гарик все что-то говорил, говорил, потом неожиданно воцарилось неловкое молчание.

– Прости меня, Лида, – неожиданно услышала я и поняла, за что именно он просит прощение.

Мы расстались, чтобы не встретиться уже никогда. На этом время поставило точку в нашем романе.

* * *

Глава 3

Подходил к концу первый семестр – шел декабрь. Первоначальное состояние эйфории сменилось в моей душе чувством спокойной умиротворенности согласия с собой. Этому способствовали, несомненно, успехи в учебе, из-за чего даже гордые ленинградки стали смотреть на меня по-другому. Дружба с Олей и роман с Гариком в свою очередь также способствовали проявлению утерянного самодовольства, так как помогали осознать свою значимость – ведь я была интересна не только для представителей своего пола, но и противоположного, а в том возрасте это было для меня очень актуально. Тетушка предоставила мне полную свободу, да и как бы она стала меня контролировать, не вылезая из поездок? К тому же она гордилась, что ее племянница – студентка, вероятно, это ее приподнимало в глазах подруг – проводниц, так что относилась она ко мне даже с подобострастием. Тетя и здесь в своей комнате, на своей жилплощади держалась незаметно, почти так же как в деревне, во время отпуска, и скоро я почувствовала себя полной хозяйкой. Нельзя сказать, что я этим злоупотребляла, наоборот, старалась прибрать в комнате и что-нибудь приготовить к тетиному приезду, но то обстоятельство, что я могла пойти куда угодно и с кем угодно и вернуться даже очень поздно, а тетя никогда ничего не говорила по этому поводу – все это возвышало меня в собственных глазах, ставило вровень со взрослыми, которые жили, как хотели, и ни перед кем не отчитывались. Таким образом, я была тогда почти счастлива, и только Аська умудрялась вносить некоторый разлад в мой гармоничный мир. Я так до конца и понимала ее, она была непредсказуема в поступках, поэтому общение с ней вносило элемент неожиданности, иногда какой-то бесшабашной несущности. То она выступает в роли доброй феи, превратившей Золушку в прекрасную принцессу, то на следующий же день едва отвечает на приветствия, окидывая при этом таким взглядом, как будто мы почти не знакомы. То она защищает меня от Алискиных насмешек, а то сама выставляет меня на всеобщее посмешище из-за какой-нибудь моей небрежности в прическе или одежде. И как только я, стараясь подавить обиду, решала держаться от нее подальше, она появлялась такая тактичная и дружелюбная, ласковая и приветливая, то в ней трудно было узнать ту, полную презрения особу, которая еще вчера обливала меня ледяным холодом.

И как всегда неожиданно, примерно в середине декабря Аська вдруг предложила мне сопровождать ее на вечеринку бывших одноклассников.

– Здравсти пожалуйста, – удивилась я, – с чего это вдруг? Я в твоём классе не училась. И потом у тебя есть Скоков.

– А причем тут Скоков? – она вдруг поморщилась. – Скоков – это совсем другая жизнь.

– Не понимаю.

– Да что ж тут непонятного? Ну не подходит он для нашей компании – возраст, взгляды, то да се... И потом... не нужен он мне на этой вечеринке.

До меня, кажется, дошло. Очевидно, в этой компании был какой-то конкурент Скокову, бывший, настоящий или потенциальный, и Аська хотела казаться свободной, но я-то ей была зачем?

– Ася, я —то тебе зачем?

– Как зачем? Для уверенности.

– Скажи уж получше: для контраста. Прекрасная Анастасия на фоне бедной Лиды. Ася рассмеялась, а потом строго одернула меня:

– Не прибедайся. Тебе повезло пообщаться с умными людьми.

Я подумала: что же, меня одни дураки окружают, а вслух сказала:

– Хорошо, пойду пообщаюсь с умными людьми из бывшего твоего класса.

В назначенный день мы встретились с Аськой возле метро «Площадь Ленина», и она повезла меня в такую даль – сначала автобусом, потом трамваем, что этот путь казался бес-

конечным. К тому же подмораживало, и дул холодный пронизывающий ветер и я ругала себя на чем свет стоит, зачем я согласилась на эту авантюру – сопровождать Аську на вечеринку. Но все имеет свой конец, и мы вошли в подъезд одной из многочисленных девятиэтажек – и как только ася их не перепутала!

Дверь нам открыл хозяин квартиры, симпатичный юноша по имени Женя. Вечеринка еще только началась, мы немного опоздали, правда – все уже сидели за столом. Ася наскоро познакомила меня с компанией – там было человек 12 – но я никого не запомнила, да и вообще некоторые подробности этого вечера уже стерлись из памяти, то случилось то, чего и следовало ожидать – я не вписалась в круг Аськиных одноклассников. До сих пор чувствую стыд при мысли, какой дурочкой я им казалась, на сколько интересней, раскованней и эрудированней они были. Я не могла поддержать элементарный разговор и хотя наслушалась в группе про Франсуазу Саган или Альбера Камю, но прочитать не удосужилась. И вообще за всю свою жизнь я читала не то, что эти ребята, песни слушала не те, путешествовала там, где они. Одни сплошные «не»...

И постепенно умиротворение, и покой уходили из моего сердца, уступая место тоске. Женя, хозяин квартиры, сидел рядом, и все время подливал в мой бокал. Эти ребята пили только сухое вино – никакой водки, никаких крепленых вин, это считалось дурным тоном. Сухое вино мне показалось кислятиной – я же раньше не пила ничего, кроме «Лидии». Ну, кислятина и кислятина, вроде забродившего кваса.

А Женя что-то говорил мне прямо в ушко, да так нежно, таким вкрадчивым голоском, был так любезен и велеречив, что на какое-то время я перестала ощущать собственную неполноценность и беседовала с ним, как будто мы были уже знакомы долгое время. Словечко за словечком, глоток за глотком – и вдруг бедная моя голова закружилась и перестала соображать, а язычок начал заплетаться, но не смотря на это, желание поговорить было непреодолимым, и слова так и лились из меня нескончаемым потоком. Женя тем временем обнял мою талию и постепенно придвигался все ближе, но я не обращала на это внимание. Смолк магнитофон, и черноволосый мальчик запел под гитару:

«Пока земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет...»¹

Черненький мальчик несколько раз посмотрел в нашу сторону, а потом, подмигнув Жене, начал петь другую песню:

«Вставайте, Граф, рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянул воды.
А кстати, та вчерашняя молочница
Уже проснулась, полная беды.

Она была робка и молчалива...»²

Кое-кто захихикал и мне показалось, что в этой песне есть какой-то обидный намек, но я решила, что даже если это и так, самое мудрое сейчас – это проигнорировать его. И я выпрямилась, оттолкнув Женю и продолжала слушать песню, в упор разглядывая черненького мальчика. Наверное, вид у меня был тогда довольно наглый, так как, встретившись со мной глазами, он вдруг смутился, покраснел, и даже голос его немного задрожал.

– Так-то! – мстительно подумала я, а Женя опять полез со своими объятиями и зашептал пьяным шепотом:

– Пойдем на кухню, Лида, я угощу тебя коктейлем.

Коктейль я тоже пробовала впервые в жизни – гордо тянула через соломинку и улыбалась Жене. Он был симпатичным, даже красивым, этот Женя – блондин с серыми глазами

и черными, как будто накрашенными, бровями и ресницами. Щеки его разругались, глаза блестели, он тоже улыбался и также с улыбкой отставил наши коктейли в сторону и предложил осмотреть квартиру. Мы пошли в какую-то комнатку, где горел торшер мягким розовым светом, освещая письменный стол, тахту, покрытую ворсистым пледом, и стелаж до потолка с множеством книг.

– Это моя комната, – сказал Женя.

– Боже мой, сколько книг! – воскликнула я.

Он подошел сзади, обнял меня за плечи и спросил: «Тебе здесь нравится?»

Я еле нашла в себе силы ответить – после выпитого коктейля у меня закружилась голова и я чуть не упала Жене на руки.

Он предложил присесть и я удовольствием опустилась на тахту – ноги уже почти не держали. Откуда-то под руку попала подушка, я положила на нее голову, но головокружение не прекратилось. Глаза закрылись, а сознание уже куда-то уплывало, и я издала услышала свой голос:

– «Извини, Женя, кажется, я много выпила. Не надо было пробовать этот коктейль.»

Женя ничего не ответил, я чувствовала только его губы возле моих губ, его руки на моем теле и горячее дыхание рядом.

– «Ах ты, моя миленькая, ах ты, моя хорошенькая», – шептал он, расстегивая одну за другой пуговицы на моем платье.

У меня не было сил сопротивляться, но каким-то невероятным усилием воли я собрала в себе остатки семейных принципов и добродетелей, которые осуждали случайные связи, и почувствовала нестерпимо острый стыд, как будто мать незримо присутствовала в этой комнате. Вырвавшись из Женькиных объятий, я поспешила в коридор. Женя пытался меня удержать.

– Лидочка, куда же ты? – спросил он удивленным голосом, обнимая мою талию и хватая за руки.

– Не смей меня удерживать – ответила я громким шепотом, пытаюсь освободиться, но Евгений повернул мое лицо к себе, и на миг встретившись взглядом, я уловила в его глазах недобрые огоньки.

– Что ты комплексуешь, девочка? Что ты такая зажатая? Или и хочется, и колется, и мама не велит?

Пока я проникалась недоумением, как это такой интеллигентный с виду юноша может говорить пошлости, он впился в мои губы жестким поцелуем.

– Кто здесь? Женя, ты? – послышался чей-то голос. Женя меня отпустил, и я рванула к вешалке, спотыкаясь о расставленную обувь, и лишь боковым зрением рассмотрела спросившего. Это был черненький мальчик.

Так, сапоги – один, второй, туфли в мешочек, шапку на макушку. Бежать отсюда, бежать! И не забыть сказать «спасибо» Аське за «приятный» вечерок! Схватив сумочку и пакет и надевая на ходу пальто, я выбежала на лестницу и только тогда успокоилась, но, правда, на время, пока спускалась вниз. В голове исчез страх перед тем, что могло случиться, растаял призрак хозяина квартиры, обнаружившего столь явное желание, но осталось чувство унижения, неприятный осадок в душе.

На улице меня обступили одинаковые серые девятиэтажки, и я даже не могла сообразить, в какой стороне трамвайная остановка. Шел мелкий, как крупа, снег, свет фонарей казался тусклым. Иногда откуда-то из-за угла врывался пронизывающий ветер, продувая до костей и засыпая лицо снегом.

Так куда же идти? Ситуация почти сказочная: налево пойдешь – пропадешь, направо и прямо – то же самое.

Голова кружилась немилосердно. Я сделала несколько шагов по обледелым ступенькам и рухнула в снег. Поднявшись и немного пройдя наугад, я упала опять. Положение мой становилось отчаянным: я не знала, как дойти до спасительного трамвая, да и идти не могла. Ругала себя и обливаясь слезами, я нахлобучила отлетевшую было при падении шапку и стряхнула снег с многострадального пальто.

– Пойду вперед, – решила я. – Кажется, проспект в той стороне. А там спрошу у кого-нибудь...

Из подъезда вышла темная фигура. Я обернулась чтобы спросить дорогу у этого неизвестного, и узнала черненького мальчика. Вся муть снова поднялась со дна моей души, все похороненные страхи и образы вызвали тоску – долго же я буду вспоминать «прелести» этой вечеринки! Я шарахнулась в сторону – кто знает, что на уме у этого типа, но этот тип подкатился по тротуару, покрытому корочкой льда и чуть припорошенному снежком, и спросил как ни в чем не бывало:

– Что это ты убежала, как ошпаренная?

– Разве? Мне показалось, я ушла незаметно, по-английски.

– В таком случае, мадмуазель, Ваш английский с каким-то нижегородским акцентом. Ты так толкнула бедного Женю, что полка сорвалась со стены и стукнула его по голове.

Я буркнула: «По делом!» И покосилась на неожиданного собеседника. В тусклом свете фонаря его лицо казалось нагловатым, улыбка самодовольной.

– Зачем он здесь? – подумала я.

Единственным моим желанием было добраться до дома и никого никогда не видеть из Аськиной хваленной компании.

– Ах, Вам не понравилось, что я ушла? Но Вы же не были в восторге и тогда, когда я пришла, – вслух сказала я.

– А почему я должен был быть в восторге от Вашего прихода? Согласитесь, мадмуазель, Вы не кинозвезда и не королева красоты. Да и пить Вы, к сожалению, не умеете.

Как я ненавидела его в эту минуту! Такой нарядный, чистенький, благополучный, умеет красиво говорить и петь под гитару, не растеряется в любом обществе. Наверняка, студент. Наверняка, родители пристроили в институт, а теперь и не пыльную работенку подыскивали для своего дитяти, только учись, зайчик, только получи долгожданный диплом. Этакая закормленная рожа, даже не имея в виду деликатесы (пойди найди у нас в сельмаге те же трюфеля или тот же растворимый кофе – днем, как говорится с огнем), хотя и без деликатесов жить не весело, а закормили премьерами, стихами, вернисажами.

Ах, ах, балет, ах, у Штополова что-то вчера голос не звучал, ах, пойдем на Копеляна. Кандинский, Малевич, Пикассо, Окуджава, Вознесенский, Фрейндлих с Владимировым, Товстоногов, Сальваторе Адамо, на чьи концерты билеты с рук стоили 50 руб. – все это было с детства этому типу.

Побегали бы Вы, месье, в школу за 3 км. через лес, поокучивали бы картошку да повозили бы навоз на огород... А то «пить не умеете!». Я потому и не умею, что не приходилось раньше, а кто бы меня получил-то этому, если в деревне строго было на счет того, что мужики пьют водку, женщины – красненькое, да и то стопку – другую, а уж что касается девиц незамужних, так им и нюхать спиртное не давали, а здесь храбрые какие все, взрослые – бокал, другой, третий. Коктейль этот, черт бы его побрал...

Но а после коктейля, стишков почитать, Гумилева там или Мандельштама, а на десерт и девушку облапить, особенно если новенькая, свеженькая.

«Она была робка и молчалива,
И, Ваша честь, от Вас не утаю
Вы несомненно сделали счастливой

Ее саму и всю ее семью»³

Да только спасибо, не надо мне такого счастья. Кто бы говорил...

Правду говорят, что у трезвого на уме, у пьяного на языке – весь свой монолог я произнесла вслух прямо в лицо этому типу, у которого постепенно теряло наглость выражение.

– Да ладно, пойдем, я тебя провожу, – сказал он вполне мирно – тебе куда? На Загородный? Ну ты даешь, это же почти через весь город...

Мы медленно дошли до проспекта, ярко расцвеченного огнями. Разыгралась метель, ветер здесь продувал сильнее, а трамвая все не было. Одиноко качалась на ветру жестяная табличка, обозначающая остановку, поскрипывая и постукивая.

– Возьмем такси? – предложил тип, когда наше ожидание желанного трамвая подзатынулось, – У меня есть деньги.

И не дожидаясь моего ответа, пошел ловить машину на середину улицы.

Вскоре мы уже сидели в теплом салоне на заднем сидении. Дрожащим голосом я назвала адрес, автомобиль тронулся и понесся по ночному городу. Замелькали, заплесали огоньки – окна домов, уличные фонари, витрины, фары машин, освещенные салоны встречных трамваев и троллейбусов. Мерно постукивал счетчик, убаюкивала приятная мелодия Франсиса Лея, и я не заметила, как крепко заснула.

Глава 4

Проснулась я в комнате на теткиной постели. Было темно и тихо. Я зажгла настольную лампу и взглянула на часы: 5:30 утра. Тетя Дуся должна была вернуться из поездки только днем. Страшно болела и кружилась голова, я чувствовала непривычную сухость во рту и ломоту во всем теле.

– Это и есть похмелье? Неужели после такого кому-то еще захочется выпить? – задала я себе вопросы: даже мысль о спиртном вызывала у меня тошноту. Умыться что ли, да чаю крепкого попить... Я медленно встала с постели, накинула теткин халат и... остановилась, как вкопанная. На моей раскладушке уютно устроился черненький мальчик. Он не проснулся, когда подошла поближе и стала вглядываться в его лицо. Оно было торжественно спокойным, темные брови сходились у переносицы, мягкая форма носа, розовые губы – мальчик как мальчик, ничего особенного. Только волосы не черные, а темно-каштановые.

Да, ну что он здесь делает! Я хотела его разбудить, уже протянула было руку, но отдернула. Ладно, пусть поспит, пока я умываюсь и привожу себя в порядок. Полное недоумение, я проследовала на коммунальную кухню.

– Посижу тут, пока чайник закипит.

Я удобно уселась на табуретки возле батареи, поджав под себя ноги. Нестерпимой казалась сама мысль о возвращении в комнату, где расположился этот тип: негодование Женькиными приставаниями я перенесла на черненького мальчика. Чайник все не закипал, в квартире царил тишина. В коридоре слышались шаги, и на кухню вошел заспанный тип. – Ты что так рано поднялась? Тебе плохо? – спросил он громким шепотом.

– А ты что делаешь у меня дома? – возмущенно прошипела я.

– Как что делаю? Сплю. А в данный момент следую в места общего пользования.

– Ну и следуй себе. Направо по коридору за углом.

– Спасибо, мадмуазель. Вы очень любезны.

Закипел чайник. Я вскочила с табурета и зашаталась. Тип подскочил ко мне.

– Иди-ка ты, ложись лучше. Я сам заварю.

– Заварка здесь, на полке.

– Найду, не беспокойся. Иди, горе мое.

Я уже начала задремывать, когда вернулся тип с подносом, на котором были чашки, сахар, ложечки и куски булки из хлебницы.

– Лежи, лежи, – сказал он, разгадав мое намерение подняться – Вы заслужили завтрак в постель, мадмуазель.

– Чем же это я заслужила?

– Тем, что предоставили приют бедному путнику.

Я засмеялась.

– Это ты то бедный? А кстати, почему ты не вернулся домой?

– Как я мог вернуться? Я отдал таксисту все деньги, даже пресловутого пятака на метро не осталось. А без денег и «метро закрыто» и «в такси не содют». Да потом... Слушай, а как тебя все-таки зовут?

– Лида.

– А меня Миша. Да потом ты так сладко дремала на моем плече в такси и никак не прореагировала, когда я вошел с тобой в квартиру.

– Ах, как трогательно! И ты не воспользовался ситуацией? – спросила я не без ехидства, на что Миша коротко и яростно ответил:

– Дура!!!

Он отвернулся, весь его облик выражал возмущение, но я не спешила с оправданиями. Красиво ты говоришь, приятель, но я не доверяю твоему благородному негодованию. Возникла неловкая пауза, которую все же первым нарушил он.

– Вы много о себе воображаете, мадмуазель, – сказал он, – велика радость лечь в постель с таким пьяным щенком как ты.

– С пьяным щенком?

– Именно. Глядя на тебя вчера, я все время вспоминал поговорку: «Пить так пить», – сказал котенок, когда вели его топить.

Все ясно и не имело смысла и дальше затрагивать этот вопрос. Разговаривая, мы не прикоснулись к чаю, и я вдруг спохватилась:

– Миша, открой холодильник, там сыр, колбаска докторская, варенье. Тащи сюда. Миша обрадовался:

– Ну, мадмуазель, Вы не только предоставили мне кров, но и спасаете от голодной смерти.

Мы пили чай, болтали о том, о сем, и, странное дело, не даже доставляло удовольствие его присутствие. Он заразительно смеялся, передразнивая Аську, как она впервые пришла на высоких каблуках в 7-ом классе. Он величал меня «мадмуазель», валял дурака, и глаза его весело искрились. Глаза у него были красивые, цвета крепкого чая, он смотрел на меня, почти не отрываясь, но теперь это не действовало мне на нервы. Я находилась как бы под гипнозом его обаяния и хотела только одного, чтобы он подольше не уходил.

– Миша, ты учишься? – спросила я, чтобы узнать о нем как можно больше.

– Учусь на втором курсе в Политехе.

– На втором? Так ты в прошлом году закончил школу?

– Да. А ты не знала? Айседора Дункан тебя не поставила в известность?

– Кто это Айседора?

– Аська. Она занималась балетом, и ее стали называть в классе Айседора Дункан.

– Ну что здесь такого? Почему она не сказала?

– Она поступала в театральный прошлым летом и не поступила.

И все же мне было непонятно. Ну не поступила, ну и что? Ведь не поступила не куда-нибудь, а в театральный, там каждый год страшный конкурс.

– А почему ты в Политехе? – продолжила я расспросы. Казалось, ему не хотелось отвечать на мой вопрос.

– Почему, почему, – буркнул он – если мама там преподает высшую математику, то сыну прямая дорога в мамин вуз. Он немного помолчал и добавил:

– Думаю, на моем институте скоро мемориальную доску повесят «Здесь учился и мучался...» И так далее...

Его глаза на минуту отразили такую грусть, чтоя проглотила вертевшиися на языке фразы о том, что «профессию выбирают на всю жизнь», «надо искать свое призвание» и что-то в этом роде, но Миша перевел разговор на другую тему, и когда часы пробили семь, и вовсе засобиравшись домой.

– Ну, спасибо тебе, Лида, за приют, за ласку. Пора домой, – сказал он, вставая.

– Как отреагирует твоя мама на то, что ты не ночевал дома?

– А я ей позвонил вчера по вашему квартирному телефону. Сказал, что переночую у приятеля.

– Она тебе поверила?

Он пожал плечами и направился в коридор, где, возле двери в комнату, на вешалке висела его куртка. Я последовала за ним. Меня все еще не покидало приподнятое настроение, вызванное его обаянием. Не хотелось верить, что он уйдет насовсем. Кутаясь в халат, я мялась на пороге. Миша застегнул «молнию» на куртке и протянул мне руку:

– Ну я пошел?

Он поднял на меня свои чудесные глаза цвета крепкого чая и грустно улыбнулся. Может быть, ему тоже не хотелось расставаться, так что же он спешил? Хотя бы поцеловал на прощание. Как же, дожدهшься. Много о себе возомнили, мадмуазель, станет он целоваться с «пьяным щенком». Его ждет мама – преподаватель вуза – в хорошей отдельной квартире, как у Женьки. Его ждут бывшие одноклассники, институтские приятели, может быть, девушка.. Да у такого парня их, наверное, миллион. Они вешаются ему на шею, падают под ноги, как осенние листья, он и уделяет им ровно столько внимания, сколько опавшие листья и заслуживают. А летят все новые и новые.. Красивые, уверенные в себе. «Привет, Мишель, как дела на личном фронте?» Ну как у него могут быть дела – что за вопрос?

Неожиданно он приподнял мой подбородок и поцеловал. Я и не думала сопротивляться, я таяла в его объятиях, а долгожданный поцелуй оказался таким нежным, что меня обрадовало – как приятно целоваться с Асиным одноклассником Мишей, о существовании которого я и не подозревала до вчерашнего вечера. Да, вот это сюрприз, преподнесенный мне жизнью!

Мы так и стояли у порога комнаты, по-прежнему, держа друг друга в объятиях. Вкус поцелуя исчез на губах, но все еще будоражил мое сердце. Миша стал вдруг очень серьезным.

– Мне действительно пора.

– Тебя кто-нибудь ждет?

– Кто-нибудь, наверное, ждет, – улыбнулся он. Некоторое время он молчал, он не отпускал меня от себя. Хотелось бы узнать, кто его все-таки ждет, мама или.. или.. И даже предположение о его гипотетической пасии омрачило мне радость. Вероятно, это и была ревность или ее легкие уколы – я раньше не чувствовала ничего подобного. Но неужели он уйдет, и мы больше никогда не встретимся? Он словно прочитал мои мысли:

– Мы еще увидимся?

– Когда? – я попыталась скрыть свою радость, но она прорывалась в голосе, в какой-то звенящей нотке.

– Надо подумать. Так, понедельник – день тяжелый, вторник – секция. А в среду... Что ты скажешь на счет среды?

Ждать до среды мне казалось безумно долго, почти как до конца нашего тысячелетия, но я ответила согласием.

– В 6 вечера на станции метро «Невский проспект» возле выхода на канал Грибоедова. Подходит?

Пришлось сделать вывод об отсутствии фантазии у мужчин: Гарик тоже назначал свидания на Невском. Ну что, Невский так Невский. Миша ушел, а я осталась с радужными планами на будущее.

Эти планы нарушила Аська. В понедельник она под села ко мне на первой же лекции.

– Ну, юное дарование, кайся, – не без торжественности произнесла она.

– В чем я должна каяться? – удивилась я.

– В грехах, конечно, – не унималась Аська. – В истории уже было нечто подобное – «пришел, увидел, победил».

– Оставь цитаты при себе. Тем более они не к месту.

– Ах не к месту? А уводить чужих парней – это как называется?

– Я никого не уводила.

– Святая наивность! Она никого не уводила! Может быть, ты и ночевала одна после вечеринки?

Я недоуменно посмотрела на нее:

– Это он тебе рассказал?

– Что?

– Ну, что он ночевал у меня.

– Да какая разница.

Я покачала головой. Мне важно было узнать, откуда Аська узнала некоторые подробности моей личной жизни. Неужели Миша разболтал, расхвастался? Хвастаться-то ему, конечно, нечем, но сочинить он мог все, что угодно. Но тогда это подло!

Вспоминая его милое лицо, его глаза цвета крепкого чая, не хотелось верить, что такой приятный парень способен на подлость. Ася же поспешила меня успокоить:

– Ты на Мишку подумала? Что это он рассказал? При всех своих недостатках, а их у него великое множество, уж я —то могу судить объективно, но Фальк не болтун.

– А кто это Фальк?

Аська хохотнула:

– Да Мишка же. Его фамилия Фалькович. А еще он рисует хорошо, потому его и прозвали Фальк.

И видя мое недоуменное молчание, добавила:

– Художник такой был, Фальк. Хороший художник, между прочим.

– А что за фамилия такая – Фалькович?

– Обычная еврейская фамилия.

– Так он еврей?

– Да.

– Забавно.

– Что тут забавного?

Я не стала объяснять Аське, но с этой минуты Миша мне стал казаться экзотическим запретным плодом. Почему экзотическим? Да потому что он не был похож на других моих знакомых парней. Почему запретным? Потому что он был «не наш», «не русский», он был предназначен для какой-то другой девушки – для «своей», не для меня. Я вспомнила вкус его поцелуя, и он показался мне более притягательным.

Меня насторожила Аскина фраза о том, что она может судить объективно о Мишиных недостатках и я решила выяснить все сразу.

– Он твой? – спросила я Аську в лоб. Она обалдела от такой прямоты и снова захохотала.

– Скажешь тоже. А куда я Скокова дену?

– Ну мало ли... Про запас тоже надо кое-что иметь.

Аська хохотала до слез, на нас уже обращали внимание. Лектор даже прервался на полуслове, и на подругу это подействовало успокаивающе. Она перестала смеяться, сделала суровое лицо и наклонилась к конспекту.

– Я Мишку 100 лет знаю, со средней группы садика, – зашипела она, не глядя на меня.

– С чем тебя и поздравляю, – зашипела я ей в ответ.

Бедный Миша, ему наверное, икалось в это время – мы всю лекцию вспоминали его. И о нем же проболтали весь перерыв. Как только лектор ушел и захлопали крышки столов, Аська достала две «белочки», одну себе, другую мне и продолжила:

– Я не ожидала ни от него, ни от тебя... Ну он парень видный, за ним половина девочек из наших десятых бегало, тебя – то я еще могу понять. Но его... Ушел с тобой, бросил Ленку. Ленка в слезы.

– Стоп, стоп... Кто это Лена?

– Да будет тебе известно, Лена – его девушка. Они дружат с 8-ого класса.

Вот так! Лена – его девушка, а ты – «вчерашняя молочница».

«Вы несомненно сделали счастливой ее саму и всю ее семью»

Да, Миша, ты меня осчастливил, нечего сказать, век буду помнить...

Аська болтала дальше:

– Впрочем, она уже не сердится, ну проводил кого-то... Вчера они вдвоем просидели у меня весь вечер...

Вдвоем. Утром назначаешь свидание Лиде, а вечером возвращаешься к Лене, с которой дружишь с 8 класса. Мило.

– Значит, для Лены я не соперница? – спросила я неожиданно каким-то глухим голосом.

– Ты-то? Конечно, нет. Но вообще-то ты молодец. Подумать только, совратить самого Фалька.

– Он такой неприступный?

– Не то, чтобы неприступный, скорее разборчивый, а на Ленкину довольную рожу мне смотреть противно. Теперь пригадается, ну как уведут.

Завидуете, любезная Айседора Дункан. Завидуйте неизвестной мне Лене, но ведь есть поговорка – не насоли ближнему своему.

И тут меня словно обожгла мысль: она думает, что я и Миша...

– Аська, ты что, всерьез полагаешь, что у нас с ним что-то было?

– А что, не было?

– Не было.

Она посмотрела на меня, как на дурочку.

– Ну конечно, – заключила она, – вы целую ночь составляли конспекты по истории КПСС, конспектировали Ленинскую работы «Государство и Революция».

И хотя ирония сквозила в ее словах, но я уловила нечто новое, похожее на восхищение, и эти нотки несказанно меня удивили. Ну легче ей стало от того, что я подгадила этой Лене, но причем здесь ее восторги? Может быть, ее умилил сам факт моей предполагаемой связи с Михаилом – и это было непонятно.

Воспитанная в строгих правилах, я и думать стеснялась о физической стороне любви, не то, что говорить. Оставалась в душе какая-то грань, которую я не могла переступить, чтобы не потерять душевный покой, самоуважение, достоинство. Подозреваю, что для Аси это было не столь важно, поэтому она с такой легкостью перенесла свои жизненные понятия на меня. Окажись она в подобной ситуации...

Меня все еще корбило от Аськиных подозрений, поэтому я продолжала оправдываться, на что она досадливо отмахивалась.

Все же я выяснила, каким образом Аська узнала о моих похождениях. Миша позвонил из моей квартиры маме, предупредил, что переночует у приятеля. Через полчаса маме зачем-то понадобилось его искать, и она начала обзванивать всех подряд его знакомых: Женю, Лену, Асю – Миши нигде не было. Мама запаниковала, и это ее паническое состояние перешло и тем участникам вечеринки, кому она только что звонила и пристрасно расспрашивала. По крайней мере, Женя, Лена и Аська перезвонили друг другу, припоминая подробности прошедшего вечера. Наконец Женя вспомнил, что Мишка убежал «как ошпаренный» вслед за «той девчонкой, которую привела Айседора Дункан». Сопоставив факты, они сделали вывод, что «приятель», у которого собирался заночевать Фальк, есть никто иной, как «кнопка» Лидочка.

После этого умозаключения, Мишина мама была поставлена в известность, где вероятнее всего находится ее сын. Она пришла в ужас после того, как ей сказали, что эту Лидочку большинство видит в первый раз в жизни и вообще не известно, кто она и откуда. Мама выпытывала у Аськи мой адрес, наверное, для того, чтобы нагрянуть и вытащить сыночка из засасывающего его болота, но по счастью Аське он был неизвестен. После этого мамочка успокоилась, по крайней мере, больше не порывалась никуда ехать и никого спасать, но могу себе представить, как она утром встретила Мишу и что ему наговорила.

На свидание я решила не идти. Пусть я кнопка Лиды, пусть я не соперница для какой-то Лены, пусть. Что ж, милая Лена, я подарю тебе твоего Мишу, с которым ты дружишь с 8 класса. Правильно говорят: нужны деньги – займи у нищего.

Я промаялась до конца недели, и с каждым днем все сильнее и сильнее мое сердце наполняла горечь. Привкус горечи был во всем: в незначительных жестах и разговорах, в мелких житейских событиях, в моих стабильных успехах в учебе. Даже Ленинград перестал радовать. Я бродила по сырым улицам короткими декабрьскими деньками и было отраднее от того, что можно молчать часами, можно ни о чем не думать, ожидая, когда затянется душевная рана.

А рана была, душевное равновесие нарушилось, и причиной тому не Лена, а чувство какой-то приниженности, второсортности, не покидавшее меня ни на секунду. Мне казалось, что Михаил хотел посмеяться надо мной, в сознании даже всплывало словечко «использовать» и было гадно от того, что встречаясь с девушкой, он назначает свидание еще одной – от этого облик Михаила немного померк, а разочарованность в парне, на первый взгляд показавшимся таким приятным, еще более нарушала душевное равновесие.

Я не пошла на свидание, и приняла решение выбросить его из головы и не поддавалась на Аськины уговоры праздновать новый год в знакомой компании. Идти туда было неразумно после того, что я узнала.

Горечь не оставляла меня, и как-то раз в один из таких серых дней я пришла к Оле Самановой. Шла зачетная неделя, и Ольга валялась на тахте, со всех сторон окруженная книгами и конспектами. Мы попили чай, болтая о разных пустяках, а я так и не решилась рассказать о своих проблемах.

- Приходи к нам на новый год, – неожиданно предложила Оля.
- Спасибо, если тетюшка будет в поездке, то приду обязательно.
- Что-то ты невеселая в последнее время. Случилось что-нибудь?

Я натянуто улыбнулась:

- Не знаю, Оль, что и сказать. Вроде бы и не случилось ничего, а настроение паршивое.
- Короче, русская хандра...
- Вот именно.
- Ты, что, экзаменов боишься? Брось, Лида, от кого другого, а от тебя я не ожидала. Ты и так все знаешь.

– Ну, во-первых, все знать невозможно, а во-вторых, не в учебе дело... Скажи, Оля, действительно неисправимо серая или есть надежда?

Оля отодвинула учебник и уставилась на меня.

– Кто это тебе сказал? – спросила она с таким недоумением, как будто я интересовалась чем-то неприличным.

– Я и сама знаю... Посмотри объективно на меня, ну хотя бы на себя, сравни... Да я даже потом и вилок правильно пользоваться не умею – возразила я с некоторой запальчивостью.

– Ерунда. Американцы, например, тоже сначала режут мясо на кусочки/, а потом перекалывают вилку в правую руку, ну и.. наворачивают за милую душу.

– Ноя – то не американка. Да и не только в этом дело. Со мной не о чем говорить – я ничего не знаю. Я в музыке не разбираюсь, в поэзии... Мне скучно читать стихи, скучно, ты понимаешь? А люди балдеют от стихов, учат наизусть, вслух читают на вечеринках... Ты знаешь, что Микеланджело, оказывается сочинял стихи?

– Знаю, – улыбнулась Оля.

– Вот. А я думала, он только средневековый скульптор – грустно отозвалась я, на что Оля возразила:

– Он гений Возрождения – и скульптор, и художник, и поэт. Вот послушай:

«Я пуст, я стандартен, себя я утратил
Создатель, Создатель, Создатель...
Ты дух мой похитил, пустынно обитель,
Стучу по груди пустотелой, как дятел

Создатель, Создатель, Создатель...»⁴

– И это он сочинил? – недоверчиво спросила я.

– Он.

Некоторое время мы сидели молча, потом я произнесла с глубоким вздохом:

– И сколько же я лет потеряла напрасно! Сидела там в своей деревне среди коров, ничего не видела, нигде не бывала.. Как теперь наверстать?

– Наверстать? – удивилась Оля. – Хотя, действительно тебе кое-что нужно наверстать. Ну почему бы например, тебе не заняться самообразованием? Запишись хотя бы на курсы иностранных языков – честно говоря, твой английский совсем на английский не похож.

Я поморщилась: в школе у нас никто не любил уроки иностранного языка – его у нас вела по совместительству историчка, более занятая своим огород, чем английской грамматикой. На выпускном экзамене мне «натянули» пятерку, чтобы я получила медаль, но в институте частенько приходилось «плавать» на занятиях по иностранному, но я честно готовила все домашние задания, переводила тексты и надеялась сдать инглиш в конце года и навсегда забыть.

– Вот еще, – проворчала я, будучи не в восторге от перспективы ходить на курсы – неизвестно куда и неизвестно зачем.

– Я сама собираюсь ходить в ДК Ленсовета, там курсы начинают работать с февраля – и заметив мое недовольное лицо, Оля сказала: – пойдем вместе. Фу, Лидка, какая ты глупая, ты мне еще спасибо скажешь за то, что я тебя растормошила.

Махнув рукой, я решила предоставить все Оле: что ж, попробуем – не боги горшки обжигают.

И Оля помогла мне. Теперь каждое воскресенье мы ходили вместе то на выставки, то в музей, то в театр – конечно старались брать самые дешевые билеты. Из разнообразных репертуаров многочисленных ленинградских театров Оля выбирала самые яркие, самые запоминающиеся спектакли – благо, было из чего выбирать, так что к концу второго семестра я могла оценить постановку не просто словами «нравится» – «не нравится», а различать хорошую и плохую игру актеров, хорошие или плохие декорации, музыку, научилась различать где фальшь, наигранность, а где эмоции, уже не связанные с действием, а с личностью исполнителя, и когда слова заученного текста вдруг зазвучат из самого сердца.

А идти в филармонию в первый раз я боялась.

– Оля, ты с ума сошла – «концерт камерной музыки»! Да я усну на этом концерте. И не разбираюсь я в классической музыке. Не пойду – сама опозорюсь и тебя опозорю, – отказывалась я, но Ольга была неумолима.

Но совершенно неожиданно в филармонии мне понравилось: и белый зал с высокими колоннами и публика особая с видом касты посвященных в неведомые тайны. Я музыка меня потрясла, тем более я слушала симфонический оркестр впервые вот так, в зале, а не по радио, где что-то бренчит, гремит, шипит – не уловить мелодию, раздражает только, а не будит сердце. Сначала мне стало не по себе, когда я узнала, что свет в зале не гасят: я подумала, что все увидят, как я буду зевать и скучать и поэтому постаралась сделать «умное лицо», но напрягаться для притворства не пришлось: скоро для меня уже ничего не существовало в этом мире, кроме музыки. Да и что такое музыка? Чем так привораживает Григ? Я никогда не видела фьорды, мне трудно их представить, но при первых звуках его музыки моя душа взлетает в незнакомые высокие миры и я вижу фьорды, троллей или пещеру горного короля, созданные моим воображением. В этих мирах известны все тайны жизни, каждый звук рождает неведомые образы, которые начинают жить во мне своей жизнью, и переполняющие меня эти эмоции звучат в унисон с мелодией, царящей в зале. Это было потрясение, эмоциональный шок, я как будто родилась заново, я хотела снова пережить эту бурю чувств.

А потом мы пошли слушать Брамса, Бетховена, Малера, Вивальди – ощущения повторялись, я стала причастной тем же тайнам, что и строгая филармоническая публика.

Благодаря классической музыке мне раскрылся высокий смысл хороших стихов: Оля приносила томики Цветаевой, Гумилева, Мандельштама. Строчки звучали во мне как музыка, слова были нотами и сплетались в чарующую мелодию. И часто, бродя по весеннему городу, я повторяла их в такт своим шагам, как заклинание.

Не знаю, влияние ли этих неповторимых эмоций, или что-то другое, но я менялась. Менялись мои вкусы, взгляды на жизнь. Теперь меня не устраивало занимательное чтиво «про колхоз и про любовь» или «производство и про любовь», стали раздражать третьесортные песенки, звучащие в теле – или радиопередачах, я избегала тратить время на сплетни или пустые разговоры, ощущая физически его невосполнимость. Я даже внешне изменилась, и желанная «химия», выстраданная в двухчасовой очереди в парикмахерскую, стоившая мне уйму денег, времени и нервов, – показалась друг безвкусицей, и я остригла ее с легким сердцем, и лишь только волосы отрасли немного.

Может быть, мои комплексы вернулись бы ко мне, но Оля не оставила им никаких шансов, заполнив мое свободное время без остатка. Она потащила меня за собой на курсы английского языка, за что я ей благодарна. А еще мы вместе пошли работать.

Не знаю, зачем ей это было нужно? Оля никогда не жаловалась на недостаток карманных денег, но однажды она объявила, что устроилась на работу санитаркой на полставки.

– Куда? – поинтересовалась я – к папе с мамой?

– Нет, я сама нашла место в клинике первого ЛМИ, – ответила Оля.

Моему недоумению не было границ: почему первый ЛМИ, разве нельзя было найти другую работу и велика ли радость выносить чужие горшки. Оля разъяснила, что радость от этого занятия, конечно, не велика – прямо сказать, труд нетворческий, но работу студенту найти сложно – масса бумаг, препон, инструкции, а тут так удачно подвернулась вакансия в клинике третьей терапии, и в деканате дали разрешение без проволочек. А поработав неделю, Оля сказала, что есть местечко и для меня, и я тоже устроилась санитаркой, правда, не в третьей терапии, а в приемном отделении, но и на работе мы часто виделись с Олей, так как наши ночные дежурства почти совпадали, и мы выкраивали время поболтать и попить чай.

Итак, внешне я выглядела спокойной, но образ Михаила не тускнел в моей памяти, и это было странно – ведь виделись-то мы всего один раз. Мучительно хотелось увидеть его снова, и я не однажды пожалела, что не пошла на свидание, упустив все свои шансы, но что-то внутри подсказывало, что я поступила правильно. Наверное, он счастлив со своей девушкой, он ушел из моей жизни, а я постараюсь вычеркнуть его из своей памяти, но не выходило! И огненными буквами было выжжено в моем сердце его имя.

Глава 5

Пролетел первый курс. Экзамены я сдала на пятерки и поехала в Гатчинский район в строительном отряде. Правда, тетка хотела устроить меня на лето своей напарницей, но в проводницы брали с 18 лет, а мой день рождения в ноябре. Не буду подробно описывать стройотрядовское лето, я о нем и упоминать бы не стала, если бы...

Если бы не молодежный праздник в Гатчине, на который съехались студенческие отряды со всего района. Предполагалась линейка с обилием торжественных речей, концерт, гуляние в гатчинском парке, а вечером и факельное шествие. Стояла нежаркое августовское воскресенье, к тому же на наше счастье за весь день не выпало ни капли дождя.

Что творилось в тот день! Казалось, вся Гатчина заполнено молодыми людьми – крики, смех, разговоры, возгласы, приветствия, песни. Там и тут звенели гитарные струны и слышались знакомые слова песен – от «а я еду, а я еду за туманом...»⁵ до: «и в окошко вагонное долго будет плевать, чтоб коровников Гатчины никогда не видать»⁶.

В одной компании пели:

«Атланты держат небо на каменных руках»⁷

В другой:

«А у дельфинов вспорото брюхо винтом,
Выстрела в спину не ожидает никто...»⁸

В третьей умоляли зычными голосами:

«И в степи-и-и глух-о-о-ой
Схо-о-орони-и меня-а-а-а!...»⁹

Везде очереди за мороженым, за газировкой, за конфетами. Стайки стройотрядовцев заходили то в один магазин, то в другой – выходили с кулочками и пакетами.

Две мои подруги и я в сопровождении наших верных стройотрядовских рыцарей протискивались сквозь толпу, разыскивая хвост очереди за мороженым, а найдя, встали все вместе и продвигались к заветной цели болтая и хихикая. Впереди и сзади нас были ребята из других отрядов, и мы разглядывали эмблемы и названия – «Айболит», «Искатель», «Оптимист», «Альтаир». Впрочем, эти и другие названия плохо отражали действительность, кроме нашего, разумеется, потому что наш отряд назывался «Спарта». Ну а про спартанские условия все еще слышали со школьной скамьи. А что означает «Оптимист», например? Легко ли остаться оптимистом в ожидании бетона, так не лучше ли по здравому размышлению переименовать отряд «Оптимист» в «Пессимист»?

Но группа ребят из «Оптимиста», стоявшая впереди нас, соответствовала своему названию. Они шутили и смеялись – мы даже болтать перестали, косясь на них, а они все сыпали анекдотами, вспоминали смешные случаи, и взрывы хохота сопровождали каждую фразу. Особенно громко хохотала толстая девица, стоявшая рядом со мной, и я почувствовала к ней неприязнь не только из зависти на столь непринужденное веселье, но и из-за того, что ее смех напоминал лошадиное ржание, к тому же она отчаянно жестикулировала, хваталась за живот, размахивала руками, толкая и задевая меня. Сопровождалось все это восклицаниями: «Ой, не могу-у-у-у!» и «Ой, держите меня!» Но хотела бы я посмотреть на смельчака, который стал держать такую тумбу, ну да ладно! Может быть, она предполагала обратить на себя чье-то внимание, но толкаться-то зачем? И в один момент, когда эта толстушка навалилась на меня немилосердно, терпение мое лопнуло, и я обернулась к «оптимистам», чтобы высказать свое

возмущение, но так и замерла: среди умирающей от смеха компании был Михаил. Вероятно, он немногим раньше заметил меня, потому что мы встретились глазами сразу же, как только я обернулась. Он смотрел серьезно, без улыбки, слегка наклонив голову. В глазах его что-то промелькнуло, он несомненно узнал меня, но губы его так и не разжались для приветствия, и в целом он выглядел озадаченным, словно не зная, как поступить.

Я была сражена неожиданностью нашей встречи и тоже стояла, как вкопанная, тоже не зная, как поступить. Отвернуться? Сделать вид, что не узнала? Но ведь самым большим моим желанием было найти его. Даже сейчас, когда он стоит в чужой компании, такой далекий и отчужденный, я чувствую исходящие от него волны симпатии, проходящие сквозь меня и не дающие отвести взгляд.

Полно, стоит ли попадать под его гипноз? Значит ли для него эта единственная встреча так же много, как для меня? Навряд ли. Поэтому скорее всего он и не приходил на свидание и вообще забыл о нем. Может быть, он и имя мое не помнит? Раз так, ничего особенного не случится, если я поздороваюсь – простая вежливость, можно даже сказать формальность. И я слегка кивнула ему.

Видно было, как в его глазах появляется удивление, он ответил мне. Осмелев, я улыбнулась, он в ответ тоже, но более широкой улыбкой, обнажив ряд красивых зубов. Я даже почувствовала, что он вздохнул облегченно, и напряженность спала с его лица, а через секунду он уже подошел ко мне и порывисто сжал мою руку.

– Лида!

– Миша!

Помнит, помнит мое имя. Случайно ли это? Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Он весь был какой-то сияющий: блестели на солнце отросшие каштановые волосы, сияла белизной улыбка, в глазах мелькали солнечные зайчики. Рука его была теплая, я даже ощущала толчки крови в кончиках его пальцев, скорее угадывала теплоту легкого загара и нервную утонченность стройной фигуры.

– Не ожидал тебя здесь увидеть! – воскликнул Миша.

– Да и я тоже. Тебе идет форма.

– А ты из какого отряда, дай посмотреть на эмблему. «Спартанка», надо же.

Он взглянул на часы и предложил:

– До линейки еще есть время. Погуляем, спартанка?

Мы развернулись и пошли по улице, с каждым шагом удаляясь от очереди за мороженым, где остались наши попутчики.

Помню ли я, о чем мы разговаривали? Об отрядной жизни. Об экзаменах, о погоде (какой веселый денек сегодня!), о сладостях. Миша упомянул о выставке картин Святослава Рериха, но я плохо разбиралась в живописи и честно призналась в этом. Миша как-то странно посмотрел на меня и перевел разговор на другое. Наконец вспомнили вечеринку, обстоятельства нашего знакомства, Аську («она сейчас работает на кафедре – клеит наглядные пособия»), а потом вдруг замолчали, очевидно, вспомнив о несостоявшемся свидании, и от этого нам обоим стало неловко. Паузу нарушил Михаил. Он усадил меня на скамейку и спросил чуть дрогнувшим голосом:

– Лида, только честно, почему ты тогда не пришла?

– Так ты приходил? – воскликнула я радостно удивленно.

– Конечно, мы же договорились! Я как дурак проторчал там 2 часа, даже милиционер в метро стал обращать внимание.

В его интонации чувствовалась обида и, хотя меня порадовало известие о том, что он все же приходил, но я не спешила оболящаться: где-то существует Лена, она объективная реальность... После того, как мы расстались, они вместе пришли к Асе. Ася врать не будет, ей-то зачем?

И все же нужно было объясниться до конца, расставив точки над «і». Может быть Михаил не в курсе, что мне известно о существовании Лены, и он пытается задурить мне голову, а может быть, чем черт не шутит, я ему понравилась?

Однако он ожидал ответ, и я рискнула поразить его откровенностью. Чтобы подавить внутреннее смущение, я постаралась расслабиться: облокотилась о спинку скамейки и развернулась вполоборота.

– Ты хочешь, чтобы я ответила честно? – медленно выговаривая слова, переспросила я. – Изволь. Я не пошла потому что не могла предположить, что ты всерьез собирался встретиться со мной.

Видно было, что он удивлен моим предположениям.

– Я объясню, – продолжала я, уловив его удивление. – Мне стало известно одно обстоятельство: то, что ты встречаешься с девушкой еще со школы.

– И тебя смутило это обстоятельство?

– Смутило. Я не хотела вносить раздор в ваши отношения, а потом... – я замаялась – а потом я не хотела быть использованной.

Он вдруг резко развернулся и схватил меня за плечи. Его глаза впились в меня взглядом, он слегка покачал головой, как будто не веря своим ушам.

– Как ты сказала? Что ты имела в виду – быть использованной?

Мне некуда было деваться от его пристальных глаз цвета крепкого чая, в которых я пыталась угадать и растерянность, и всполохнувшуюся вновь обиду, и чувство какого-то странного превосходства, и еще целую гамму чувств, но не было сил в них разбираться: его руки сильно, до боли сжимали мои плечи, и, вероятно, гримаса от этой боли появилась на моем лице. Я попыталась освободиться, но Михаил притянул меня к себе. – Ну хорошо. Скажу все до конца, только отпусти мои плечи, будь добр... Ты мне понравился, не скрою, но Аська мне сказала, что у тебя есть Лена... И я подумала, что ты покрутишь со мной короткий роман и вернешься к ней, а я привыкну к тебе... и мне будет больно...

Я опустила голову, чувствуя жгучий стыд оттого, что он узнал, что небезразличен мне, и узнал от меня. И о потаенной ревности к счастливой Лене мог догадаться! Сейчас он посмеется надо мной и уйдет и будет горд собой от сознания еще одной победы.

Боже мой! Когда же я ума наберусь? Нельзя, нельзя ни перед кем открывать свои чувства – это все равно, что вывернуть наизнанку всю кожу – это болит, кровоточит, как одна сплошная рана.

Но Михаил не смеялся. Он приподнял мой подбородок и грустно сказал:

– Лида, я разве дал тебе повод плохо обо мне думать? Ты не захотела со мной встретиться, ты даже мне ни одного шанса не дала. А потом... Неужели ты думаешь, что до нашей встречи у меня никого не было, и я только сидел и ждал тебя. Хотя... может быть, я действительно ждал тебя?

Эти его слова успокоили меня, но наш разговор был прерван сигналом к построению: начиналась линейка. Мы договорились встретиться после.

Еще командир не дал команду «вольно», а Миша уже махал мне рукой.

– Идем, я тебя познакомлю со своими друзьями.

Его друзья ожидали нас в Гатчинском парке, расположившись на траве под старыми деревьями. Это были 2 девушки (одна из них – толстушка из очереди за мороженым) и два парня. Миша представил мне каждого, я тоже назвала свое имя. Мы расселись полукругом возле газеты, на которой была разложена снедь из ближайших магазинов. Один из парней открывал бутылки «Байкала» – был раньше такой напиток, чем-то похожий на «Пепси-колу». И хотя все было мило на этом пикнике, но я томила в тревожном ожидании от того, что мне еще

скажет Миша, да и скажет ли? А пока мы поддерживали общий веселый разговор и вели себя как старые добрые знакомые.

Перекусив, Мишины друзья собирались покататься на лодке, и мы присоединились к ним. Оказывается, здесь в парке находились красивые озера, а на них лодочная станция. Достать лодку в воскресный день – проблема, но сегодня исполнялись все мои желания, и вот уже Миша взялся за весла, и мы оказались с ним наедине, отплыв подальше от берега. Я делала вид, что люблю живописными окрестностями, но пейзажи меня мало волновали в сей момент: я ждала продолжения разговора.

Мишины друзья причалили на зеленый островок среди озера и оттуда сигналили нам. Мы отправились к ним. На островке каждая парочка держалась обособленно, и мы не стали им докучать, а остановили лодку возле прибрежных зарослей. Миша достал пачку сигарет и закурил.

– Когда мы вернемся в Ленинград, я убью Аську, – неожиданно сказал он.

– За что ей такая немилость?

– За то, что она дала тебе ненужную информацию, да еще в выгодном ей свете. Короче, за болтливый язык. Неужели при современном цейтноте я могу позволить себе роскошь встречаться сразу с двумя девушками? И неужели я не разобрался бы, ю кто мне нравится больше, ты или Лена?

– Не обижайся, Миша. Ася здесь совершенно ни при чем. Она считала, что я должна знать правду.

– А я и говорю правду. К Женьке я пришел с Леной, и уйти мы должны были вместе. А ты сначала не произвела на меня впечатления, я еще подумал, чья-нибудь младшая сестра напросилась, из седьмого, ну от силы из восьмого класса. Ну вот, я и стал наблюдать, как будет вести себя школьница на взрослой вечеринке. А потом понял, что ты не школьница, но почему-то продолжал наблюдать за тобой. Просто ты не такая, как девчата из нашей компании – я же их всех знаю кого с первого класса, кого даже с садика, знаю, кто что скажет, кто кому симпатизирует. Скучно, когда все знаешь наперед... Я, конечно, продолжал бывать в нашей компании, считал для себя предательством забыть старых друзей, но поэтому приходилось терпеть скуку. И тут появляешься ты, и Женька вьется около тебя, и я готов убить его за это, и сам не понимаю, кто ты такая, откуда ты взялась, и почему это мне до тебя есть дело? А когда вы ушли, я понял, что он хочет спойть тебя, а дальше смотря по обстоятельствам. Знаешь, Женья у нас Дон Жуан, он любит хвастаться своими победами и обожает юных простушек.

– Понимаю, – прервала я его монолог, – «А кстати, та вчерашняя молочница...» Миша, так ты меня пытался предостеречь?

– Нет, скорее его. Я же не знал о тебе ничего, а вдруг бы ты не поблагодарила меня за вмешательство, но Женьку-то я знаю как облупленного. Он-то должен был понять, что нам известны его полеты, и я, например, не одобряю...

– Не одобряешь что? Его выбор или поведение?

– Ни то, ни другое. Ну не мог я допустить, чтобы ты и он... Я пошел за вами, но Лена меня задержала, а когда я от нее отделался, ты уже собиралась домой.

Я горько усмехнулась:

– Боже мой! Слышала бы это Лена! Ты пытался от нее отделаться, но я и сама могу постоять за себя.

– Не смей меня, – сказал он с досадой, – ты была точь-в-точь маленький пьяный щенок.

– Понятно. Семиклассница, пьяный щенок – что еще? Если это так, зачем ты потащился за мной? Рассчитывал, что тебе удастся то, что не удалось Женьке?

Мишины глаза округлились от внезапного изумления. Он молча докурив сигарету, а потом неожиданно спокойно сказал:

– Знаешь, Лида, я не ангел, конечно, но детей я никогда не соблазнял.

И добавил с мстительной интонацией:

– А от пьяных женщин меня просто тошнит.

Волна краски залила мое лицо: это была краска и гнева, и стыда. И как это у него язык повернулся упрекнуть меня за оплошность на той вечеринке, словно я и в самом деле законченная алкоголичка. Я же хотела потребовать, чтобы Михаил отвез меня обратно, но видно он и сам понял, что сказал лишнее, потому что вдруг взял мою руку в свои и тихо сказал:

– Прости.

Он сидел опустив голову и глядя перед собой на гладь воды, а тепло его рук передавалось мне, заставляя быстрее бежать кровь по жилам и сильнее биться сердце. Гнев уже давно улетучился, а стыд все еще нудил во мне острой иглой, но вместе с тем я понимала, что в чем-то Миша прав, что мне не следует обижаться, и что я не должна терять его. Вот он сидит рядом, такой как есть – не ангел, не идеал, но если он сейчас уйдет... Волны ранее не испытанной нежности захватили все мое существо, мне захотелось прикоснуться к нему, хотя бы погладить по голове, что я и сделала.

Он ощутил мое прикосновение и обернулся. Секунда, еще одна – и мы бросились друг к другу в объятия. Поцелуй, потом еще и еще, и перед натиском неожиданных эмоций рухнули в душе все барьеры сомнения, страха. Стали казаться недостойными прикидки типа «сказать или не сказать о своих чувствах» или «позволить или не позволить себя поцеловать» – мне уже необходимы были его объятия и поцелуи.

– Я ведь был уверен, что люблю Лену, – продолжал Михаил через некоторое время, когда мы уже возвращались к берегу, – мне было хорошо с ней, но ты понимаешь, я никогда не беспокоился из-за нее. Не смейся, пожалуйста, но с тех пор, как я тебя увидел, я все время думаю, как бы ты не наделала глупостей и как бы с тобой ничего не случилось.

– Смешной ты, Миша. Ну что я, маленькая, что ли? Что со мной может случиться?

– Но ты же заблудилась в Женькином дворе! Не спорь, я же видел, ты не знала, в какую сторону идти – как бы ты добралась до дома! И в такси уснула. Спасибо твоим соседям за то, что дверь открыли.

– А спать ты меня уложил?

– Нет, мадмуазель, это уж вы сами, пока я звонил домой. Ты спала, а я смотрел на тебя.

– Ася мне сказала, что нельзя смотреть на спящих, есть такая примета.

– Какая?

– Ну если долго смотреть на спящего человека, то обязательно в него влюбишься.

– Опять эта Айседора! – воскликнул Миша, – она заслуживает кары даже за то, что не сказала об этой примете раньше.

– А если бы рассказала?

– А если бы рассказала, то я бы точно не пошел на ту вечеринку и жил себе спокойно. Не назначал бы то дурацкое свидание, которое, кстати Вы, мадмуазель, проигнорировали, не упрасивал бы Аську приглашать тебя на новый год, не бродил бы возле вашего института и возле твоего дома, но так ни разу и не встретил тебя за полгода. Но теперь—то мы не расстанемся, Лида?

Я тоже надеялась, что мы не потеряемся и встретимся в Ленинграде, когда начнется учебный год. Я чувствовала себя счастливой, и все люди вокруг казались счастливыми, а природа необыкновенной, поражающей своей запущенностью. Гатчинский дворец – волшебным замком, а простая весельная лодка – кораблем с алыми парусами.

Во время факельного шествия нам пришлось разбежаться к своим отрядам, но с начала танцев мы не расставались. Быстрые танцы мы не танцевали, стояли, держась за руки, но когда зазвучала песня Адамо «Падает снег», Миша пригласил меня, да так элегантно, словно на нем не была стройотрядовская роба, а дорогой фрак. Мы впервые танцевали друг с другом и танец

стал продолжением наших объятий, правда, под музыку, но это было даже лучше. Грустная мелодия высвобождала нежность, таившуюся в сердце, и безумно приятно было обнимать его сильные плечи и ощущать кольцо его рук на своей талии.

Вечер был теплый, даже томный. На быстро потемневшем небе загорались звезды, в них чувствовалось уходящее летнее тепло и угадывалась золотая щедрость осени. Танцплощадку освещали желтые фонари тусклым размытым светом. Листья деревьев из зеленых превратились в темно-зеленые, а потом и в черные и стали хранилищами тайн жизни и любви.

Я смотрела на Михаила, замороженная близостью его тела, любясь значками и нашивками на его куртке, светло-голубой рубашкой, на которой была расстегнута верхняя пуговица, и в прорезь виднелась полоска загорелой кожи. Я перевела взгляд на вторую пуговицу, представила, как полоска кожи становится еще больше, потом на третью, четвертую пуговицу, потом мысленно стала расстегивать брючный ремень... Я даже глаза зажмурила и головой потрясла, чтобы отогнать это наваждение. Михаил спросил, что со мной, но я не ответила. Не могла же я признаться, что только что мысленно раздевала его. Сама не понимаю, как такие мысли полезли мне в голову.

После работы в стройотряде я съездила домой на месяц и узнала, что мой младший брат поступил в военное училище. Он тоже будет жить в Ленинграде, но в казарме, и это даже к лучшему: значит он нечасто сможет появляться у тети Дуси и не полезет в мои дела. Я еле выдержала дома 4 недели – с первого же дня все мои мысли были о Михаиле. Я думала о нем днем и ночью, копая картошку, собирая сливы в саду или прибирая в доме, представляла его то на Невском, то в тетиной комнате, то смеющимся, то растерянным. Мама и сестры говорили, что Лида стала очень серьезной, но они и представить не могли с кем связана моя задумчивость. Я никогда не упоминала о нем, а по вечерам бегала на танцы в клуб и с удовольствием принимала ухаживания деревенских кавалеров, от которых отбоя не было. После танцев они кружили на мотоциклах вокруг нашего дома, оглашая сонную улицу ревом моторов. Я сидела то с одним, то с другим на скамейке под рябиной рядом с дровяным сараем, иногда позволяла себя поцеловать, но ни разу не испытала той щемящей нежности как рядом с Михаилом.

Глава 6

По возвращении в Ленинград меня ждала невероятная новость, сообщенная Алисой из моей группы: Оля Саманова бросила наш институт и поступила в первый медицинский на первый курс. Я тут же позвонила подруге и она это подтвердила.

– Это родители на тебя надавили? – поинтересовалась я.

– Нет, я поработала в клинике, посмотрела как работают доктора. Виктор Иванович, например, и решила, что самое интересное для меня занятие – медицина, – ответила Оля.

– А то, что ты мне говорила о семейной династии...

– Ну мало ли что я раньше говорила. А теперь я многое поняла. Лидочка, что может быть ценнее человеческой жизни, и если удастся кому-то помочь, какое это счастье!

– Оля, опомнись. Я тоже поработала санитаркой и тоже кое-что поняла. Люди неблагодарны, они будут принимать твои благородные порывы как должное.

– И пусть! – воскликнула Оля.

Неужели этот пафос относился к медицине, по моему разумению, занятию скучному и грязному, состоящему из криков, страданий, скверных запахов, горьких лекарств, крови, пота, выделений, горячечного бреда и бесконечных жалоб на то на се? Разве Оле не знакома сонная одурь ночных дежурств, разве на это стоит тратить жизнь? С каким бурным восторгом она говорит, что умеет делать укола, даже внутривенные, что она помогла Виктору Ивановичу, когда одной больной стало плохо, и Виктор Иванович так ее хвалил, так хвалил, сказал, что у нее клиническое мышление, и ее место у них, а не в финансово-экономическом. Меня насторожило то обстоятельство, что подруга часто упоминает этого Виктора Ивановича, и фактически это он сбил своими разговорами Ольгу с пути, поэтому я поинтересовалась:

– Кто это Виктор Иванович?

– Воскресенский. Он ассистент на кафедре. Когда я перейду на 3 курс, возможно, он будет вести у нас пропедевтику.

– Это такой высокий брюнет, с которым я тебя часто видела?

– Он, – вздохнула Ольга.

Жаль, что мы разговаривали по телефону, и я не могла видеть выражение ее лица. У меня возникло подозрение, что Ольга просто-напросто влюблена в этого Виктора Ивановича и именно он стал причиной, подтолкнувшей ее решиться на столь важный шаг. Что же это получается, выходит, мне тоже нужно бросить экономику – финансы и на крыльях любви лететь за Михаилом в политехнический? Ну что же, Оля, ты сделала свой выбор, а я осталась без подруги.

Впрочем, это обстоятельство меня не слишком огорчило: я рассчитывала, что Миша меня разыщет, и не ошиблась: в первый же день занятий он ждал меня возле института на Банковском мосту в окружении крылатых грифонов. Был влажный октябрьский день, с Невы дул пронизывающий ветер, холодящий кожу, продувая мой тонкий плащ, не спасал и длинный шарф, обмотанный вокруг шеи. Миша махнул мне рукой, и я подбежала к нему, забыв о холоде и порывах ветра, и очутилась в его согревающих объятьях.

Меня не смутило то, что занятия закончились, а мы были на виду у всех. Из институтский дверей один за другим выходили люди, среди них студентки из моей группы. И Айседора Дункан, яркая как роза, в красном плаще и сапогах и с японским зонтиком в руках выбежала на улицу, но замедлила шаг и стала пристально разглядывать нас, возможно попутно делая какие-нибудь выводы. Миша кивнул ей, а она в ответ раскланялась с такой многозначительной миной, как будто сам факт нашей встречи задевал ее жизненные интересы. А мы отправились в сторону Невского, не обращая внимания на Аську.

Мы встречались почти каждый день, бродили по городу, дожди и холода переживали в кино или музеях. Миша любил живопись, поэтому чаще всего мы ходили в Эрмитаж или Русский Музей. Я поражаюсь его эрудиции: столько знать о картинах, художниках, разных школах и течениях – можно сказать, он мне курс лекций прочитал по мировой живописи. И если Оля подарила мне свою любовь к стихам и классической музыке, то Мишина заслуга это то, что теперь я жизни не мыслю без живописи. Миша хорошо рисовал. Страсть эта проявилась в нем в подростковом возрасте, и он стал рисовать все свободное время, изводя горы бумаги. Мама не была в восторге от увлечения сына. Она, как преподаватель технического ВУЗа, считала это пустой тратой времени и добилась того, что Миша поступил в Политех, но это не принесло ни ей ни ему большой радости. Ему – потому что техника не могла заменить живопись, и ничего, кроме отвращения к будущей профессии он не испытывал. А ей – потому что она пыталась заставить его примириться со сделанным ею выбором, но разве это легко – навязать кому-либо свой образ мыслей?

Я не была знакома с Мишиной мамой, он говорил, что после развода она всю жизнь посвятила ему, понимаю, как ей было нелегко: сын был для нее всем, и он платил ей любовью, смешанной с глубокой благодарностью и уважением. А этот конфликт с выбором института грозил разрушить узы взаимопонимания. Миша разрывался между долгом перед мамой и любовью к рисованию. Он ходил в институт, делал чертежи, сдавал работы, чтобы угодить ей, но на лекциях изрисовывал тетради для конспектов. Последней каплей, переполнившей мамино терпение стало то, что Миша попробовал писать маслом. Придя с работы, мать унюхала удушливый запах красок и растворителя, и войдя в комнату сына, обрушила поток упреков на его голову и потребовала «выбросить эту гадость и не захламлять квартиру». Сын воспротивился, тогда холст с еще не просохшей краской полетел с балкона. Миша говорил, что в тот момент он не узнавал свою мать: она воспринимала его занятие, как оскорбление, она стояла на смерть против неизвестного и ненавистного ей мира живописцев, готового с головой засосать ее единственного сына.

– Но и я поступил не лучшим образом, – продолжал Миша, – я ушел из дома. Хотел сначала поселиться у деда – он живет на Васильевском острове, потом решил не связываться с родственниками. Короче, переночевал у Женьки.

Представляю как чувствовала себя в эту ночь Мишина мама, как металась по квартире от входной двери к телефону, не зная что предпринять, наконец решила обзвонить родных, знакомых, милицию, больницы, бюро несчастных случаев, но сын не находился, и она кляла себя за несдержанность и растерянно подбирала с пола тюбики с краской. Представляю, каким тяжелым было их объяснение, когда она утром примчалась в Мишин институт до начала занятий и долго высматривала его среди студентов, как у нее отлегло от сердца при виде сына, живого и невредимого. Они простили друг друга, но Миша выговорил себе право рисовать столько сколько нужно – красками ли, тушью, карандашом – и мать обещала не вмешиваться.

– И действительно не вмешивается, – заключил Миша, – молчит даже, когда я подрабатываю. Кисти, краски, этюдник стоят недешево.

Он принес мне папку со своими работами, и я, разглядывая рисунки, пыталась разгадать его характер, мысли, словно проявление фантазий, сочетание цветовых пятен или изгибы линий помогут понять в нем самое сокровенное. Эскизы, натюрморты, портреты, зарисовки, карандаш, уголь, акварель. Умытый дождями Невский и золотое ликование шпиля Адмиралтейства, загадочность полутонов гипсового барельефа и живой блеск глаз котенка, напряженность мышц натурщика и красота лошадиного бега. Иллюстрации его поражали: не такими я представляла Гамлета или Лауру, поющую для Дона Гуана, но это был удивительный мир, прекрасный и неразгаданный и было приятно, что Михаил впустил в этот мир меня. Но чувствовалось в его рисунках непонятная незащищенность и не потому, что рисунок – всего лишь бумага, его можно изорвать, или оставить на нем грязный след ботинка. Становилось страшно

за Мишу: создавая свой мир он выставлял напоказ свою душу перед посторонними. А это всегда чревато: могут ведь и плюнуть в самую сердцевину.

Я тоже рассказывала ему о себе и не пыталась скрыть того, что мало видела и мало знаю. Перед кем-то другим, а перед Михаилом было как-то неловко притворяться. Если я ему небезразлична, пусть принимает такую как есть. Да, не наградил меня Бог никакими талантами, но будет ли другая любить его так же преданно как я? Любить.. Я боялась вслух выговорить это слово, но наедине с собой часто произносила это слово. Что, если не любовь, эта щемящая нежность, эта постоянная тревога, заполнявшая все уголки моего сердца? Оно трепетало в присутствии Миши и замирало, когда затихали его шаги на нашей лестнице. Мир расцветал всеми красками, когда Миша был рядом, но мне даже воздуха не хватало, когда он уходил, и я с нетерпением ждала новой встречи.

Тетя Дуся впервые увидела Михаила в день моего рождения. Он принес пышные хризантемы – единственные цветы, которые можно было купить у любой станции метро поздней осенью. Тетка разглядывала его критически, а потом потащила меня за собой на кухню.

– Лида, он какой-то непростой мальчик, – шепотом сказала она.

– В каком смысле? Он что, тебе не понравился? – я слегка насторожилась. Мне так хотелось, чтобы Мишу полюбили и приняли те люди, которые любят и ценят меня.

Тетя немного подумала, потом закончила:

– Уж больно он интеллигентный. Лидуш, я и осрамиться боюсь: вдруг ему наша еда не подойдет. А то мало ли я забудусь и ляпну что-нибудь. Матом, конечно я крыть не буду, а так по-деревенски.

Я засмеялась:

– Не волнуйтесь, тетушка. Если он летом в стройотряде выдержал 2 месяца на кашах, то уж на счет нашей еды не сомневайтесь.

Но тетя Дуся еще долго причитала, а в последний момент решила не ставить на стол водку.

– Лидуш, что он о нас подумает? Скажет еще, пьяницы какие... Я-то водочку уважаю, конечно...

– Да что Вы, тетя, суетитесь. Словно смотрины устраиваете, – рассердилась я, – Миша и так знает кто я и откуда и чем занимаются мои родители. Вы что, товар лицом показываете?

Тетя ухмыльнулась неопределенно, но вместо водки принесла две бутылки «Рислинга». Я была счастлива в этот день рядом с дорогими мне людьми, и пусть их было немного – за столом сидели тетя, подруга Оля, Михаил и брат Саша, получивший увольнительную в военном училище, но это были самые-самые. Мы веселились от души, а потом проводив гостей, тетя все пыталась расспросить меня побольше о Михаиле в то время, как мы с ней, надев фартуки, мыли на кухне посуду. Я отмахивалась, но не так то было просто побороть ее назойливость. Тетя задавала вопрос за вопросом, как опытный кадровик, решающий, принять Вас или не принять в какой-нибудь «почтовый ящик».

– Тетя, ну что Вы привязались к человеку, вы и так пилились на Мишу весь вечер, а теперь все выспрашиваете и выпытываете, – взмолилась я.

– А как же! Ведь не случайно ты его позвала на день рождения, – возразила тетя, – а потом добавила другим тоном, заканчивая разговор и вынося вердикт – парень он хороший, но он не наш.

И повторила, обернувшись в дверях:

– Не наш!

Нет, я не могла верить тете. Бесконечно любя Михаила, я ощущала его частью себя, хотя наши отношения пока оставались платоническими. Я даже немного обиделась на тетю: но почему она считает, что Миша «не наш»? он воспитанный, интеллигентный – и правильно!

Неужели по ее мнению мне бы больше подошел как-либо хамовитый жлоб? Нет, Миша мой, только мой, и если это было бы возможно, я бы повесила на нем табличку с надписью «частная собственность».

Примерно так рассуждала я, лежа в углу на своей раскладушке. Возбужденная прошедшим днем рождения и раздосадованная тетиным вердиктом я не могла уснуть. Внезапно мысли мои потекли в ином направлении: а что если вешать табличку на Михаила нет никаких оснований? Он же ни разу не сказал, что любит меня, и не принимаю ли я желаемое за действительное? У мужчин вообще язык становится бедным, когда дело касается чувств. Они считают, что из охов-вздохов, поглаживания по ручке, объятий и поцелуев мы можем сделать правильные выводы, а значит, слова не нужны, но это не так. Где-то я слышала фразу: «Женщина любит ушами», и мои уши не прочь послушать волшебную мелодию любовных признаний. Увы! Михаил не был исключением из правила и как типичный представитель второй половины человечества, выражался неясными намеками, а то и вовсе красноречиво молчал, полагая, что его ласки и поцелуи скажут все сами. Я же сгорала от любви и жаждала любовных признаний.

Утро пришло решение: я первая скажу ему о своей любви, и он вынужден будет ответить. Да, но необязательно ожидать благоприятного ответа. И потом, как это сделать? Сказать ему прямо в глаза не хватит смелости: у меня при мысли об этом язык примерзает к небу.

Написать письмо – но я не Татьяна Ларина!

А что если... Идея, пришедшая в голову, казалась необычной, но мне она понравилась. Вместо тривиального любовного письма, которое, кстати я не знала, как написать, я пошлю ему пластинку и пусть потом Михаил, прослушав сороковую симфонию Моцарта скажет, что он ничего не понял! Если так, то все же будет не обиднее, чем выслушивать отповедь на подобие той, которую обрушил на бедную Татьяну Евгений Онегин.

Сказано – сделано. Я передала ему пластинку и попросила обязательно послушать. Михаил недоуменно пожал плечами, но пластинку взял. Через 2 дня он дал мне в руки запечатанный конверт и попросил вскрыть только дома. Я выполнила его просьбу и когда с замиранием сердца достала лист бумаги и развернула, то строчки побежали у меня перед глазами, я облегченно вздохнула. Письмо гласило: «И я тебя тоже очень люблю.»

Глава 7

С этого дня рухнула словесная плотина и мы уже не стеснялись говорить о своей любви, и все казалось на столько очевидным, что непонятно было, почему у нас язык не развязался раньше. Во время тетиных поездок, мы приходили в ее комнату, целовались до изнеможения, и легкий трепет пробегал по телу от каждого его прикосновения, но близости я страшилась, и хотя полагала ее неизбежность, но не могла переступить какой-то внутренний барьер. Но все-таки, когда глубина ласк затягивала, растекаясь сладкой болью, я не позволяла ни на секунду расслабиться и потерять над собой контроль, и в последний миг сопротивлялась его рукам и губам: «Нет, не надо, не здесь, не в этой комнате».

Но все же так долго не могло продолжаться. Это походило на рискованную игру, где мое поражение могло оказаться победой. И мое тело привыкало к прикосновению его рук, предательски снижая порог сопротивления, а внутри меня гнездилась незнакомая ранее чувственная боль, от которой не было спасения.

Однажды Михаил ждал меня как обычно у Банковского моста, а когда я подошла, торопливо поприветствовал и предложил съездить с ним в одно место. Я поинтересовалась, куда все-таки, а он молча вынул из кармана пальто связку ключей и повертел перед моими глазами.

Не надо думать, что я была тогда такая юная, неискушенная, глупенькая – не на луне жила, а среди других людей – и мне несомненно стало ясно значение этого жеста. Девочки в группе трепались о чем-то подобном, но я и представить не могла, что со мной может произойти тоже самое. Помню, с каким каменным презрением я выслушивала рассказы о том, как та или иная пара, не имея крыши над головой, «достают» комнату у друзей или знакомых на час-другой. Приходить в чужую комнату, сталкиваться с соседями, которые смотрят на тебя понимающим взглядом, валяться в чужой постели, прислушиваясь к матам в коридоре – по мне это было пределом человеческого падения.

Хуже, чем заниматься любовью в комнате кроткой тети Дуси. А Михаил держал эти ключи и ждал моего решения, как ни в чем ни бывало. Огромный фонтан недобрых чувств к нему хлынул в мою голову – и возмущение, и ревность, и чуть ли ненависть, но стоило нам встретиться взглядами, как этот фонтан стал усыхать, и только ревность настырной каплей продолжала барабанить, но и звук этой капли постепенно стихал.

И все же я поинтересовалась:

– Чья это квартира? Кого-то из твоих друзей?

– Нет, что ты, – ответил Михаил, – это квартира моего деда.

И угадывая мой вопрос, добавил:

– Он уехал на 2 дня. Попросил присмотреть, дал ключи.

Мы молча ехали в троллейбусе на Васильевский, держась за руки, но избегая смотреть друг на друга. Я согласилась поехать с Михаилом, переступив через страхи и сомнения, подбадриваемая его надежным рукопожатием, уверенная в своей и его любви. И мне даже в голову не пришло выговорить для себя какие-либо условия, гарантии, например, в отношении брака: претил любой дух торгашества, особенно в любви, – все это было недостойным и унижало нас обоих.

Мы вышли возле университета и направлялись к Большому проспекту. Падал мелкий снежок, навстречу попадались редкие прохожие. Дворы – колодцы были непривычно тихими и безлюдными в этот час, лишь иногда из открытых форточек доносилось бормотание ленинградского радио.

Полумрак подъезда, поскрипывание старого лифта, массивная дверь, обитая коричневым дерматином. Миша открыл дверь, и мы очутились в квартире. Большая прихожая, застав-

ленная старинными шкафами, на кухне слышны тоже бормотание радио и шум воды в трубах. В квартире нет никого, кроме нас – мы идем прямо в комнату. Окно пропускает размытый свет декабрьского дня. Этот тусклый свет играет радугой в граненых стеклах массивного старого буфета, на полках которого притаились фарфоровые и костяные статуэтки, сверкают позолотой чайный и кофейный сервизы. На книжных полках разноцветные тома, привораживающие своей мудростью. Я шагнула вглубь комнаты мимо шифоньера, стола и тахты, прямо к буфету и устоялась на фарфоровую хрупкость балерин, собачек и раскосых японок. Позади меня раздался громкий стук открываемой дверцы шкафа. Я взглянула на Михаила: он стоял в своем черном пальто возле тахты, держа в руках аккуратную стопку постельного белья. Я неожиданно рванулась вон из комнаты, подхватив по пути свою сумку с книгами, но он швырнул белье на тахту и схватил меня за плечи.

Поцелуй наш был продолжителен, сердце замирало в щемящем восторге – не было сил для сопротивления, и мое тело, побуждаемое сладкими импульсами, грозило выйти из повиновения, сумка с книгами со стуком упала на ковер, затем рухнули по очереди мое и его пальто, туда же падали один за другим предметы нашей одежды, а потом и мы опустились прямо на ковер, на ворох тряпок. Сердце мое бешено колотилось, но в упоении близости я плыла по волнам физической любви и вместо скованности занимало упоение.

Потом мы стояли под душем, прижавшись друг к другу. По нам бежали струи воды, и мы слизывали дрожавшие капли легкими быстрыми поцелуями. По радио на кухне был слышен стук метронома, усиливающийся в пустой квартире – падали в вечность секунды, утекала вода, а мы так и стояли обнявшись в немом восторженном оцепенении от происшедшего.

Возвращались молча. Короткий декабрьский денек подходил к концу, горели фонари, и переполненный троллейбус полз через Дворцовый мост, перенося нас из фантастического мира любви в обыденную реальность. Потом мы долго стояли у подъезда не в силах расстаться. Никогда мы не были столь безъязыкими, как в тот вечер, хотя самые нежные слова так и вертелись на кончике языка, но они так и не сорвались с уст.

Потрясенные внезапно обрушившейся близостью, мы не остались на ночь в той квартире, но на следующий день в голове немного прояснилось, и сразу вспомнилось то обстоятельство, что Мишин дедушка будет отсутствовать еще сутки, а не воспользоваться этим было бы грешно. Стоя у канала Грибоедова, мы обговорили этот факт и решили покинуть наше счастливое пристанище завтра утром – а именно, сразу ехать на занятия. Я рассчитала, что тетя Дуся вернется из поездки послезавтра – она и не заметит моего отсутствия этой ночью. А Михаил заверил, что мать не будет его искать, обзванивая всех подряд: он иногда по ночам разгружал вагоны на товарной станции. Раз так – можно ехать.

Удивительно! Если вчерашний день у нас был слишком скупым на слова, то сегодня, как говорится, прорвало. Мы болтали громко, так что слышно было на весь троллейбус. Мы касались всевозможных тем – институт, погода, планы на каникулы, репертуар кинотеатров, бездарность и талантливость актеров и режиссеров, субъективность критиков, новый Аськин брючный костюм... И лишь одну тему предпочитали избегать – это все, что относилось к непосредственной цели нашей поездки.

Мы болтали, проходя через дворы – колодцы, в подъезде, в лифте, у дверей квартиры, куда я входила уже почти как хозяйка: знала где выключатель, вешалка или столик для сумок.

В комнате все оставалось как вчера. Миша так и не закрыл дверцу шкафа, и он выставил нам напоказ свое содержимое. На тахте, покрытой клетчатым пледом, валялась стопка белья – она нам не понадобилась.

Но сегодня все должно было быть не так! Никакой спешки. Это наше свидание немного напоминало игру – подражание тем любовным парам, которые мне были известны по кино или многочисленным романам.

Какая-нибудь парочка приезжала на уик-энд в кемпинг или очаровательный загородный отель, снимала номер на двоих, записывались в книге посетителей как муж и жена, а дальше ужин при свечах, широкая постель и любовь, любовь, любовь...

Нашим номером в загородном отеле была дедова квартира, а приготовлением ужина мы занялись немедленно, немного опустошив холодильник. Миша накрыл стол в комнате, и даже свечи нашлись – они красовались возле наших приборов в высоких бронзовых подсвечниках.

Миша достал из своей сумки бутылку «Мурфатлара», а я разглядывала посуду на столе: старинный фарфор, серебряные вилки с загадочными вензелями, высокие хрустальные бокалы.

Посреди стола на блюде дымилось что-то очень аппетитное – мясо в соусе с зеленью и горошком, а запах от него дразнил мое голодное воображение.

Миша зажег свечи и я щелкнула выключателем и теперь только 2 мерцающих огонька освещали комнату. Мы сидели друг напротив друга, золотилось вино в бокалах, трепещущий отсвет падал на наши лица, а я чувствовала себя такой счастливой! Все вместе – и романтическая обстановка, и переживаемое приключение, и ожидание любви – будоражило кровь, а воображение рисовало фантастические картины.

Нежная музыка лилась из транзистора.

«Michelle. my belle...»¹⁰ – пели «Битлз», и сердце трепетало в щемящем восторге.

Миша смотрел на меня с ласковой улыбкой, трепетали тени его ресниц, удлиненные неверным огоньком свечи, мягкие губы полуоткрыты, а руки покоились на моих. Май белл – моя красавица. Твоя красавица, твоя...

Да, дедова тахта, конечно, не королевское ложе, но в этом ли дело? Как хорошо и уютно нам было на ней, как нежны ласки, горячи поцелуи, крепки объятия. Мы долго и неистово занимались любовью и не могли оторваться друг от друга. Михаил был магнитом для меня, а я для него. И не гас огонь, гнездящийся внутри, и я послушно откликалась на зов поцелуев. Наконец, обессиленные, мы отворачивались друг от друга, но через пару секунд снова сжимали в объятиях разгоряченные тела. Была уже середина ночи, когда понемногу стал рассеиваться любовный туман, и призрак завтрашнего утра воочию встал перед нами. Поставив будильник на 7, мы попробовали уснуть и лежали тихо. Миша отвернулся от меня, но я не была уверена, что он спит. Меня же мучила бессонница. Я избегала прикасаться к Михаилу, боялась, что все желания всколыхнутся снова, и кажется, небезосновательно – даже тепло его смуглого тела дразнило воображение. Я прикусила палец, чтобы мысли переменили направление, и тут же вспомнила об институте.

– Боже мой, завтра семинар, а я книгу не открывала, – мне даже нехорошо стало от того, что за все время учебы я впервые я манкировала своими обязанностями.

И в тот же миг любовь была побеждена чувством ответственности, и я, подчиняясь этому чувству, тихонько сползла с тахты и накинув на себя Мишину рубашку, подхватила сумку с книгами и заперлась на кухне.

Пристроившись под настольной лампой, я разложила учебник на кухонном столе и зачиталась, шевеля губами, стараясь запомнить как можно больше и не впускать в голову посторонние мысли. Подготовка домашних заданий являлась столь традиционным занятием, что она принесла покой в мое смятенное сердце. Любовь – это прекрасно, но «хвосты» перед зачетной неделей были совершенно ни к чему.

Послышались шаги в коридоре, и в кухню вошел Михаил в купальном халате, накинутом на голое тело.

– Прелестная картинка! – воскликнул он.

Я оторвалась от книги:

– Который час?

– Половина третьего. Что это тебе взбрело в голову – заниматься ночью?

– Можно подумать, завтра занятия в институте отменят, – буркнула я, – если на то пошло, я тебе удивляюсь: ты же ведь книгу не открывал!

Миша поморщился:

– Ой, только не надо о занятиях! Я так люблю тебя, Лидочка, ни о чем другом думать не могу. И уснуть не могу.

– Я тоже люблю тебя, Миша, но это не значит, что я должна завалить семинар – ответила я и пожаловалась ему, что тоже не могу уснуть.

Миша немного помедлил, потом вышел в коридор и взял из своей сумки упаковку таблеток.

– Ноксирон, – прочитала я и поинтересовалась – Это что, снотворное?

Миша кивнул утвердительно. Меня удивило, что он таскает с собой эти таблетки.

– И ничего удивительного, просто меня часто мучает бессонница – объяснил Михаил. – А таблетки эти можно в любом аптечном киоске на любой станции метро купить. И даже без рецепта.

Мы приняли по таблетке и отправились спать, но поначалу тихо поглаживали друг друга, обмениваясь короткими поцелуями. Потом пришел сон.

Наутро мы покинули наш временный приют, а потом несколько дней ходили, как помешанные, мечтая вновь остаться наедине. И обстоятельства нам благоприятствовали благодаря тетиному графику поездок. Да, да, меня уже не пугала возможность заняться любовью в ее комнате – а почему нет, если там нас никто не побеспокоит. И естественно, чаще всего мы встречались на «моей» территории, но в Мишиной квартире я все же побывала, но мне не понравилось то, что нужно ехать в метро, потом автобусом к черту на куличики на Гражданский проспект, тратя массу времени на дорогу. В метро давки, в автобус не сесть – ну уж нет, пусть лучше Михаилу пересчитывают кости в общественном транспорте. А я его буду ждать на загородном.

Квартира их произвела впечатление сожительства двух параллельных миров: в мире Мишиной мамы – уют и порядок, красивая стенка, стеллажи с книгами, ароматные флакончики духов возле зеркала в прихожей, в ишином мире уюта нет и в помине – тахта и секретер, гитара в углу, магнитофон на сломанном табурете, а все остальное – холсты, холсты, холсты.

Тогда, впервые войдя в его комнату и оглядывая обстановку, я впервые подумала, что он одержим живописью – ей было подчинено почти все в этом замкнутом пространстве, даже в запыленном тубусе для чертежей хранились книги. Я едва не опрокинула мольберт с новым холстом – Миша еще только собирался его грунтовать – и в страхе присела на тахту. Не могу пересказать, что было изображено на этих картинах, иначе не хватило бы этой книги, но я была потрясена!

Не знаю, было ли это талантом – я и так в глубине души считала Мишу гением – но меня поразила его работоспособность. Столько успел написать! Когда? Но как здорово!!!

Помню, еще в октябре мы пару раз ездили на побережье Финского залива в Зеленогорск. Там мы отправлялись на пустынный берег, где Миша располагался с этюдником и сразу начал работать, а я бродила в тишине, глядя на холодную воду и гряды валунов, уходящие вдаль, к горизонту. Таинственно шумели сосны, шуршал гравий под ногами, и в моей голове звучали стихи:

«На кустах зацветает крыжовник

И везут кирпичи за оградой.

Кто ты: брат или любовник

Я не помню и помнить не надо...»¹¹

Я уходила, но возвращалась к Мише – он был точкой отсчета в моих блужданиях, но, кажется, он даже не замечал меня. Мазок за мазком – появлялся этюд, серая рябь холодной воды, небо с просветленными облаками, убегающие к горизонту. Иногда я выводила его

из сосредоточенности, спрашивая о чем-то незначительном или предлагая чай из термоса, но даже оторвав на некоторое время от работы, я не могла полностью завладеть Мишиным вниманием. Он коротко отвечал и тут же возвращался к прерванной работе, так что я в течение долгого времени имела возможность наблюдать процесс творения.

Этюды с Финского залива тоже были тут, стояли на полу у стены.

Так вот, ноги меня не держали, как я уже сказала, я была потрясена увиденным в комнате Миши, и, очевидно, что-то изменилось у меня в лице, а Миша смотрел на меня с выражением испуга. Он предложил чаю, и я не отказалась: мне нужно было придти в себя. Мы пили чай в кухне из красивых чашек, насыпая сахарный песок серебряными ложками с такими же вензелями, какие я видела в квартире деда. Миша заметил, что я верчу ложку в руках и сказал:

– Я помню это серебро еще с детства. Довожу до вашего сведения, мадемуазель, что в еврейских семьях принято иметь серебро и много детей.

– Я это заметила, я имею в виду серебро, – отозвалась я, – но зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты знала, что тебя ждет.

– Что именно, чистить серебро или рожать детей?

– И то, и другое.

Я посмотрела на Мишу долгим взглядом, в котором сквозило недоверие.

– А мне Аська сказала, чтобы я не рассчитывала на брак с тобой – евреи не женятся на русских.

– Смотри какие евреи, – проговорил Михаил, – и смотри на каких русских. На Айседоре я бы не женился даже под угрозой расстрела.

– А... на мне?

Он отодвинул чашку, и руки его сомкнулись вокруг меня плотным кольцом.

– Я не хочу терять тебя, Лида, – сказал он пристально глядя в мои глаза – я люблю тебя, никого еще так не любил.

Мне показалось, что голос его дрогнул, и ревность снова вонзила в сердце свою острую иглу. Лена... Она когда-то была в его жизни, ее так просто не вычеркнуть, не забыть. Она целовала эти манящие губы, обнимала за плечи, ерошила непослушные каштановые волосы, утопала в его глазах – она делила с ним дни, а может быть, и ночи. Она идет теперь своей дорогой, но почему же дрогнул Мишин голос? Может быть, он вспоминает то время, когда они были вместе, невольно сравнивая Лену и меня?

Мы все еще сидели молча и он так же вглядывался в мое лицо.

Отгнав мысли о сопернице, я спросила, опустив глаза:

– Это как понять? Ты мне делаешь предложение?

– Именно, предложение. Правда, на ближайшее будущее. Лида, дай мне закончить третий курс. Как у нас в политехе говорят, сдал «сопромат», можно жениться.

Я чувствовала волнение в его интонациях, он не был уверен в моем ответе, может быть, и будущее немного страшило, ведь у нас, как говорится, ни кола, ни двора. Но у нас была любовь, такая, что встречается раз в тысячу лет, и это придавало уверенность в дальнейшем.

– Ну что ж, – улыбнулась я, – сдавай сопромат. А потом я буду чистить твое серебро и рожать детей.

Миша впился в мои губы долгим поцелуем. Я была счастлива, ведь в моем понятии «любовь» и «брак» относились к одной категории, я и не мыслила одного без другого, и меня приводила в восхищение мысль стать женой Михаила Фальковича. Боже, каким огромным тогда казалось мое счастье, каким безоблачным жизненный путь – и я не верила в возможность разочарования.

Глава 8

Легким облачком на светлом небе, предвестником грядущих событий предстала Лена. Она появилась у нас в институте, разыскивая Аську по какому-то важному делу. Это была высокая красивая девица с копной пепельных непослушных кудрей и библейскими глазами, с ног до головы одетая в импорт. Я не обратила поначалу никакого внимания на нее, но когда они с Аской уселись позади меня в аудитории и заговорили о своих проблемах, я уловила, что ася называет незнакомку Леной. Мне стоило больших усилий сдержаться, и не обернуться, уставившись на бывшую соперницу. Впрочем, я не была уверена до конца, что именно на бывшую.

Лекция закончилась. Я сложила книги в сумку и пошла в гардероб, они двинулись следом, не прерывая разговора, но я спиной чувствовала на себе их сверлящие взгляды.

Михаил должен был сегодня ожидать меня после занятий, и, наверное, Лена пришла сюда не только из-за каких-то дел с Асей, возможно, она хотела своими глазами увидеть нас с ним вместе и попристальнее рассмотреть, на кого же все-таки променял ее неверный возлюбленный?

Раз так, я Вас не разочарую, Лена, Вы увидите нас вместе.

Михаил стоял на своем обычном месте, и я, стремительно выбежав из дверей института, бросилась ему на шею, а потом, приподнявшись на цыпочки, бегло поцеловала в застывшую щеку. Он тоже обнял меня, но внимание его было отвлечено вышедшими вслед Асей и Леной. Не выпуская Мишу из объятий, я повернулась к ним и поймала их снисходительные взгляды, мол, ни кожи, ни рожи. Я попробовала облить их обеих презрением, но поняла, что Лена уже не обращает на меня внимания, а с веселым видом машет рукой Михаилу и кричит, как ни в чем не бывало:

– Привет, Майк!

– Привет, – отозвался он приглушенным голосом. – Какими судьбами здесь?

По лицу его блуждала улыбка, он уставился на нее, и она отражалась в его глазах во всем своем великолепии – от беличьей шубки до безумно дорогих австрийских сапог. И она бросала взоры в его сторону, сверкая своими библейскими глазами.

– Она с ним заигрывает – подумала я, наблюдая за обоими.

Лена ответила, улыбаясь Михаилу:

– Я-то по делу. Но тот же вопрос я могу задать тебе.

И словно спохватившись, добавила с иронией:

– Ах да, я совсем забыла о твоей пассии...

Михаилу это не понравилось, он нетерпеливо перебил ее:

– Лен, не надо. Мои дела тебя не касаются.

– Печально – возразила Лена – а ведь когда-то касались. Неужели эта малышка что-то значит для тебя?

Последнее дело – выяснять отношения на улице, да еще при стечении народа, а «народу», то есть нам с Аской уже стал надоедать их разговор. Аська попыталась увести Лену, но она отодвинула Аскину руку и продолжала:

– Ты изменился, Майк, перестал бывать у наших. Ходят слухи, у тебя крутой роман? Или может быть, твоя куколка тебя не отпускает?

Она не принимала в расчет мое присутствие, просто игнорировала. Я даже не злилась на нее, просто стояла в изумлении с открытым ртом. Не хватало еще нам с ней вцепиться в волосы из-за парня.

– Перестань, Лена. Тебе не идет говорит пошлости, – сказал с досадой Миша.

– Не беспокойся, я уже ухожу и не буду больше беспокоить своим присутствием – Лена взяла Асину руку, и они повернули в сторону Невского, но пройдя несколько шагов, Лена вновь обернулась к нам с ехидной усмешкой:

– Так тебе и надо, Майк. Это чудо как раз по твоему вкусу.

Последнее слово все-таки осталось за ней. Мне было неловко и за себя, и за Мишу, и, как ни странно, за Лену, ведь я заметила, что под ее бравадой скрывается целая гамма чувств – боль, досада, недоумение, видимо, нелегко ей дался разрыв с Михаилом. И сюда ее привело не простое любопытство, а желание понять, насколько серьезны между нами отношения, и поэтому она, вероятно, сделала усилие над собой, переступив через свою гордость, а такой красивой девушке, как Лена, гордости, видимо, не занимать – и пришла сюда, на территорию своей соперницы. Мише тоже не доставила удовольствие эта сцена и по его лицу скользнуло выражение, похожее на отвращение. Да, да это было именно отвращение к красивой разодетой Лене с выразительными библейскими глазами. Действительно, от любви до ненависти один шаг. Но не дай бог прочитать на его лице что-нибудь подобное по отношению ко мне.

Старый год подошел к концу, а новый пришлось праздновать по отдельности – Миша в своей семье, я в своей – проскучала всю ночь у телевизора в компании тети и брата Саша. Наступивший год принес с собой новые заботы – зачетная неделя, зимняя сессия. Зачеты я сдала легко, экзамены мне поставили «автоматом», и я уехала на каникулы в то время, как Михаилу предстояло сдать несколько трудных экзаменов. Он заверил меня, что все будет в порядке, и я укатила в деревню, где, конечно, уютно было под крышей родного дома, но так не хватало Миши.

С началом нового семестра наши встречи возобновились, и я снова прибывала в состоянии эйфории от них. Миша теперь каждый день ожидал меня возле института. Он сказал, что у них уменьшили число лекций, и я поверила, вернее даже не задумывалась о том, правда это или нет – все мои дни были заполнены им, и все мысли были только о нем.

Прошел февраль, наступил март, и как-то раз Миша пригласил меня в «Север» – он о чем-то хотел серьезно поговорить.

Мы заказали наши любимые пирожные, и Михаил, вздохнув, приступил к разговору. Сказанное им, привело меня в удивление: он предлагал тут же подать заявление в загс, чуть ли не сегодня.

– Что вдруг? – поинтересовалась я – Ты же ведь еще не сдал этот твой, как его там, сопромат.

– Не сдал – ответил он мрачно – и, наверное, не сдам никогда. Я, Лида, бросил институт.

Надо ли говорить, что меня словно громом поразило это известие. Я пристально посмотрела в его глаза: вроде не шутит. Но как это произошло?

Я и вслух задала этот вопрос, и Миша опять вздохнул:

– Я завалил зимнюю сессию.

Вот это новости! Стоило мне оставить его одного, как он наделал непоправимых глупостей! Но неужели ничего нельзя сделать?

– Ничего, – ответил Миша. – Мое решение окончательное: я не буду учиться в политехе.

Его слова наполнили меня горечью, и я вспомнила о неизбежном последствии его необдуманного поступка.

– Ты же попадешь в армию!

– Непременно, подтвердил он, – Меня заберут этой весной.

Что ты наделал, Миша? Ты обо мне подумал, каково мне будет без тебя? Я день и ночь думаю о тебе, мне даже дышать без тебя больно, а ты так легко говоришь, что тебе предстоит

служба, как будто уезжаешь на увеселительную прогулку, и не на два года, а не более чем на неделю. И значит, ты все это время не ходил в институт?

Миша подтвердил правильность моего предположения: он действительно не ходил в институт, и болтался по городу, ожидая, когда закончатся мои занятия.

– Мама знает? – спросила я.

– Теперь знает.

Не стану спрашивать, как она к этому относится: и так ясно. Не может она к этому хорошо относиться.

Я сделала пару глотков кофе и отодвинула чашку: эта новость отбила у меня аппетит.

– И все-таки я не понимаю, почему мы должны пожениться так скоропалительно, – возразила я – одно дело, если бы я ждала ребенка...

– Но ты же в принципе была согласна выйти за меня замуж!

– В принципе, да, но тебя не будет 2 года. А я окажусь в подмешанном состоянии. Нет, нет, я доверяю тебе, доверяю себе – я люблю тебя так сильно, как, наверное, не смогу полюбить никого другого.

– И все-таки, Лида, давай зарегистрируем наш брак до армии.

– Давай, но что скажет твоя мама?

Теперь, когда прошло столько лет, я понимаю Мишино смятение во время нашего разговора в кафе. Без сомнения, он меня любил, и эта внезапная любовь явилась для него таким же потрясением, как для меня. Верил ли он мне? Не знаю, во всяком случае не воспринимал мои нежные чувства к нему, как должное, возможность альтернативы. Трудно сказать, где начинали произрастать эти корни неуверенности в себе, может быть, мама подавляла в нем волеизъявление – чего, например, стоила эта эпопея с вышиванием холста с балкона, а может быть, и я ошибалась, принимая деликатность за неуверенность. Во всяком случае, он считал, что поступает правильно, связав себя узами брака перед разлукой.

Если у вас сложилось впечатление, что меня устраивали те отношения, которые были между нами, то это впечатление ложное: я стремилась к браку по любви, и ни с кем, кроме Михаила, не хотела делить свою жизнь, но меня смутила предполагаемая скоропалительность.

Свадьба – это такое событие, может быть, единственное в жизни, чтобы запомнилось. В голове шли чередой картины виденных мною деревенских свадеб – богатых, солидных, с множеством гостей, со столами на улицах, на которых разве что птичьего молока не было, с богатыми подарками, с ключами от новой квартиры, которую молодым давали от совхоза, а ключи вручал непременно директор.

А у меня? Ни денег, ни времени на подготовку, ни белого платья... Впрочем, когда мы покинув кафе, спускались в метро, поминутно целуясь на эскалаторе, то я уже не думала ни о белом платье, ни о гостях с подарками, ни о деньгах – рядом со мной был Миша, а это самое главное.

Очередь во дворец бракосочетания была на полгода вперед, и мы решили попытать счастья в районном загсе, и не ошиблись: срок здесь был немногим более месяца, и дату нашей свадьбы назначили на конец апреля. Помню, работница загса смотрела на нас с иронией, возможно, ее забавлял вид вчерашних детей, из всех сил стремящихся стать взрослыми. Но мы-то себя считали равными во всем остальному взрослому человечеству, а кое в чем даже превосходящими его. И посещение загса добавило нам уверенности в этом.

Но милая дама, которая принимала у нас заявление, улыбалась, читая вслух:

– Так, возраст жениха – 19, возраст невесты – 18... Что же, заполнили вы все правильно... 24 апреля подойдет, а, Михаил Леонидович? Подумайте, посоветуйтесь с Лидией Павловной.

А когда все формальности были закончены, и талоны в магазин для новобрачных лежали в моей сумочке, милая дама сказала на прощанье:

– Торопитесь Вы, молодые люди. У вас есть немного времени до свадьбы. Думайте.

Но мы думали о другом: а именно, как сказать Мишиной маме, короче говоря, отчитаться о содеянном. Миша предупредил, что это будет нелегко:

– Понимаешь, она меня слишком любит.

А я, я не люблю? Впрочем, уважаемая, Дора Соломоновна (так звали Мишину маму!), если у Вас не дрогнула рука выбросить с балкона творение Вашего сына, то могу себе представить, каким суровым критиком Вы станете по отношению к его выбору.

Я была морально готова к тому, что редко встречается приязнь между свекровью и невесткой – чаще наоборот, поэтому шла на встречу с ней с затаенным трепетом, и не могу сказать, что удостоилась теплого приема.

Дора Соломоновна сидела в кресле у телевизора – яркая женщина лет сорока. Этот возраст мне тогда казался чуть ли не мафусаиловым. На лице ее было неприятное выражение какой-то затаенной обиды: уж слишком сведены брови, опущены уголки рта, надуты припухлые губы. На Мишино и мое приветствия она едва кивнула и искоса зыркнула на меня быстрым взглядом. Миша представил нас друг другу.

Мы переглянулись: Дора Соломоновна была явно не в духе, но раз уж мы пришли... Миша кашлянул в кулак, чтобы привлечь ее внимание:

– Мама, ты выслушаешь нас?

Дора Соломоновна молча обернулась к нему. Теперь к затаенной обиде в ее облике добавилась явная досада: погоди, сын, ты мне мешаешь, я смотрю интересный фильм, а ты лезешь со своими глупостями, да еще девицу какую-то привел... Ну говори, да поскорее!

– Мама, мы с Лидой решили пожениться. Уже подали заявление.

Глаза Доры Соломоновны расширились и она пристально вглядывалась то в меня, то в Мишу, и в них явно читалось холодное презрение: у меня даже мурашки побежали по телу – прямо Снежная королева!

– Считаю, что я ничего не слышала, – отозвалась наконец она довольно громким голосом – А ты ничего не говорил. Проводи девочку домой и извинись перед ней за неуместную шутку.

– Мама, ты ничего не поняла, это не шутка. Мы с Лидой любим друг друга и жизни не мыслим друг без друга. Мы женимся. Уже известен день свадьбы.

Миша говорил это твердо, но я не могла не почувствовать его волнение. Неприятно было обнаруживать перед любимой девушкой зависимость от матери, а Дора Соломоновна прямо это давала почувствовать.

– Не слишком ли много сюрпризов мне преподносишь в последнее время, дорогой сын – сказала она Михаилу – Сначала ты бросаешь институт, потом армия и наконец собираешься жениться. А обо мне ты подумал? С моим мнением будешь считаться или нет?

– Мама, но разве я виноват, что в последнее время наши с тобой мнения не совпадают, – воскликнул Михаил со страдальческой ноткой в голосе, – Я взрослый человек и имею право...

– Право?! – взорвалась Дора Соломоновна – Ты пока еще мальчик и сидишь на моей шее. А это кто, твоя так называемая невеста?

И она ткнула пальцем в мою сторону, как шпагой. У меня даже сердце екнуло, я словно почувствовала укол этим безжалостным оружием, а в Михаиле закипала злость, а когда он злился, становился упрямым.

– Да, это моя невеста, и не так называемая. Мама, неужели ты ничего так до сих пор и не поняла? Мне надоело жить по твоей указке: учиться, там где ты хочешь, жениться на той, которую одобришь. Ты же видела: я ненавижу технику и все, что с ней связано. А чертежи эти – да гори они синим пламенем, они у меня до сих пор в печенках сидят. А Лиду ты не трогай.

Хочешь ты или нет, а я женюсь на ней, и на шее твоей мы сидеть не будем. Руки есть, голова есть – заработаю на жену и себя.

Ответом ему был громкий смех.

– Так у вас любовь? – с издевательской улыбкой спросила Дора Соломоновна.

– Любовь.

– Дур-рак. Ну какая любовь, ведь тебе нет и двадцати! Да и девочка не выглядит как совершеннолетняя.

– Я совершеннолетняя – вступила и я в разговор – могу и паспорт показать.

– Да не нужен мне Ваш паспорт, девочка. У Вас нет никакого жизненного опыта, что Вы знаете о любви? Это может быть влюбленность, симпатия, а Вы готовы испортить жизнь и себе, и ему.

– А что можно знать о любви в твоём возрасте? – вступил в разговор Михаил, перебив свою маму – Что ты помнишь о любви и любила ли когда-нибудь?

Несомненно, эта была жестокая бестактность, и она ошарашила самоуверенную Дору Соломоновну. Она так и застыла, не зная, что ответить.

– Миша, нехорошо ты с мамой, – зашептала я, дергая его за рукав, но Дора Соломоновна пришла в себя и приготовилась дать отпор.

– Этого я не ожидала от тебя, сынок дорогой – сказала она с обидой. – Я на тебя всю жизнь положила, тянулась из последнего. Думаешь, я не могла найти кого-нибудь? Я не хотела, боялась, что новый отец не будет к тебе относиться как к родному сыну. А теперь ты меня упрекаешь.

– Прости меня, мам. Я только хотел сказать, что любовь – это привилегия молодых.

Но Дора Соломоновна уже его не слушала. Она обратилась ко мне с вопросами, кто я, откуда, в каком институте учусь, давно ли мы знакомы. Она хотела знать как можно больше, и я отвечала обстоятельно, подавив неприятный осадок от столь подробных расспросов.

– А что с Леночкой, все? – этот вопрос был адресован сыну.

– Все, – он ответил столь категорично, что я на мгновение усомнилась, действительно ли он хотел только маму убедить в этом.

– И все-таки я категорически против вашего брака. Не думаю, чтобы родители Лидии были в восторге от такой спешки. Вам нужно проверить свои чувства: пусть Миша отслужит в армии, потом восстановится в институте, а там видно будет.

Несмотря на спокойный тон этого заявления, я поняла, что Дора Соломоновна вообще не видит меня в роли своей невестки. Вероятно, Лена ей бы лучше подошла, иначе не стала бы она поощрять их дружбу с Мишей и называть ее Леночкой. Михаил, очевидно, понял точно так же, поэтому он поморщился от досады.

– Мама, ты опять! Я же сказал, что не буду восстанавливаться в институте, а с Лидочкой мы поженимся через месяц.

– А... Вы случайно не беременны? – настороженно спросила у меня будущая свекровь.

Я покраснела и отрицательно покачала головой. Явный вздох облегчения издала Дора Соломоновна. Она поднялась из кресла и подошла к нам.

– Скажите, милая девочка, перед Вами вставали такие вопросы, как где Вы будете жить и на что? Если у нас, то не рассчитывайте. Не буду притворяться, Вы мне не настолько симпатичны, чтобы я жила с Вами под одной крышей, пока мой сын будет в армии.

– Но мама, это же и мой дом тоже, – возразил Миша.

– Тво-ой! – так и взвилась Дора Соломоновна – Я выстрадала этот кооператив, я во всем себе отказывала, работу брала дополнительную, зрение на ней посадила, и без моего согласия ты не пропишешь здесь ни Лидочку, ни Танечку, ни Манечку, ни кого бы то ни было.

Наступила моя очередь вмешаться.

– Вы считаете, что я стремлюсь прописаться у Вас? Зачем же Вы меня унижаете подозрением, Дора Соломоновна, я просто люблю Вашего сына, а он меня.

– Удивительное совпадение! Я тоже люблю своего сына и желаю ему добра, и последнее мое слово «нет», – отчеканила она и добавила, обращаясь к Михаилу, – Ты меня потом еще благодарить будешь.

Меня обескуражило такое непримиримо отрицательное отношение к себе: вроде бы я не хуже других, и зла никому не желала, и в искренности моих чувств к Михаилу сомневаться не приходилось, но я почувствовала себя униженной не только от того, что я «не подошла» будущей свекрови, но и подозрениями в нечистоплотных усилиях по завладению ленинградской пропиской и жилплощадью любой ценой.

Не скрою, сначала у меня были подобные планы, но не в отношении Михаила. Встречаясь с ним, я была свободна от расчетов, и даже иногда думала, что будь Миша из какой угодно плохой семьи, из какой угодно дальней провинции, я и то никогда не отказалась бы от него.

Мы вышли на улицу, после этого тяжелого разговора, направляясь ночевать ко мне – сегодня тетюшка была в поездке. Разговор не клеился, но от крепких Мишиных объятий наступало примирение с существующим миром, далеко не совершенным во многих отношениях. В автобусе толпа нас тесно прижала друг к другу, Миша едва прикоснулся губами к моему уху, шепча:

– Успокойся. Не надо. Все хорошо. Я же с тобой.

Обдумав все, я решила, что не буду извещать родителей о замужестве – боялась реакции подобной той, что продемонстрировала Дора Соломоновна. Уж лучше поставить их потом перед фактом. Я заранее знала, что скажут отец и мать, они будут категорически против «нерусского» зятя – как же! Что станут говорить в деревне – Лидка-то еврея себе нашла!

Я щадила Мишу от возможной неприязни моих домашних. Тетя Дуся – другое дело, она уже смирилась с моим выбором, даже привыкла к Мише, брат Саша тоже, но за остальных я ручаться не могла. И поэтому я заявила Мише, что согласна зарегистрироваться, не устраивая пышной свадьбы, как говорится, в чем есть – без белого платья и свадебного костюма, не рассчитывая на родительские деньги. Поцелуй мне был ответом.

Глава 9

День свадьбы приближался. Я ни словом не обмолвилась тете о предстоящих событиях и не написала в письме домой. Миша заработал деньги нам на кольца, мы купили их в магазине «Аметист», а потом дома долго рассматривали и примеряли. Мише пришла повестка из военкомата, он прошел медкомиссию, и я ужаснулась, узнав, что служить он должен не 2, а 3 года – его забирали во флот. Дату отправки назначили через два дня после свадьбы. Теперь все, оставалось только ждать.

За неделю до свадьбы Михаил влетел ко мне радостный, с сияющими глазами.

– Лида, мой друг приехал!

– Что за друг? – поинтересовалась я.

– О, такой друг, какого у меня еще не было, Дима Белогорцев. Мы раньше жили в одном дворе, потом он ушел в армию, а после армии вместе с родителями уехал в Норильск по договору.

– После армии? Он старше тебя?

– Да, на 5 лет.

Я выразила сомнение: пять лет – это большая разница в возрасте, как они могли дружить? Какие тут могут быть общие интересы, ведь Диме сейчас, наверное, 24, он человек, по моему понятию, другого поколения – о чем с ним разговаривать?

Но Миша возразил и почти убедил меня в моей неправоте, рассказывая о необыкновенном Диме – его уме, решительности, храбрости, деликатности, и это заставило усомниться во второй раз – таких просто не бывает в жизни.

– Поедем, я вас познакомлю, – продолжил Миша, находясь по – прежнему в восторженном состоянии. И снова я почувствовала укол ревности, хотя при чем тут ревность, может быть зависть к этому неведомому Диме, которым восхищался Миша.

– А это необходимо? – спросила я, слегка поморщившись. Меня не привлекала перспектива провести вечер в компании двух друзей, предающихся воспоминаниям. Тоже мне —

«Бойцы вспоминают минувшие дни

И битвы, где вместе рубились они...»¹²

Миша убедил меня, что это совершенно необходимо, что Дима симпатичный и веселый, он мне понравится, и мы проведем вместе чудесный вечер. А еще ему просто необходимо познакомить нас – лучшего друга и невесту.

Квартира Белогорцевых находилась в Мишином дворе, но в другом доме. Мы поднялись на лифте на 7-ой этаж, и мелодичный звонок возвестил о нашем приходе.

Дверь открыл высокий симпатичный парень в грубом черном свитере и сказал, обращаясь к моему спутнику:

– Куда же ты пропал, Майк? Заходи, я заждался – а потом глядя на меня большими серыми глазами поинтересовался – И кто это с тобой?

– А со мной Лида, моя невеста, – ответил Миша, обнимая мои плечи.

– Какой сюрприз! – воскликнул парень – Ну ты даешь, старик... Да вы заходите, заходите.

Мы зашли в стандартно тесную прихожую, где гостеприимный хозяин помог мне снять пальто, улыбаясь при этом широкой белозубой улыбкой, а потом повел в комнату, где был накрыт стол, хотя стол – это громко сказано, скорее журнальный столик, и накрыт он был похлостяцки: консервы в банках, колбаса на блюдечке, правда, порезанная на тонкие кусочки, а вот красная рыба прямо на бумаге. Среди столь «изысканной» сервировки – бутылка с прозрачной жидкостью с кухни доносился изумительный запах чего-то вкусного, вероятно тушеного мяса с какими-то ароматными добавками.

И вообще эта огромная трехкомнатная квартира показалась пустоватой: ни стенки, ни кресел, только диван, черно-белый телевизор и столик, за которым хозяин предполагал кормить гостей. Угадав мое недоумение, с которым я разглядывала пустые углы, он объяснил мне:

– Предки увезли всю мебель в Норильск. Да и приезжаем мы сюда редко – обходимся тем, что есть. Кстати, – он взял мою руку в свои – Михаил забыл нас познакомить, Дима Белогорцев, друг Вашего друга.

– Почему друга? – улыбнулась я – моего жениха. У нас свадьба 24-ого.

Дима нежно поцеловал мне руку, глядя в мои глаза долгим взглядом.

– Поздравляю, Лидочка! Рад, очень рад. Жаль, что меня не будет в этот день в Питере. Хотя...

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся через минуту с белой песцовой шкуркой в руках, и этим песцом нежно укутал мои плечи.

– Это мой подарок к вашей свадьбе.

– Какой красивый! – я была ошарашена: я никогда в жизни не носила меха и сейчас наслаждалась его легчайшим прикосновением.

Мишино лицо стало при этом сурово-непроницаемым, словно ему не понравился королевский жест друга, но я поблагодарила Диму, а он рассмеялся и слегка обнял меня:

– «Спасибо» мало, Лидочка. Целуйте.

И он подставил мне щеку для поцелуя, я быстро чмокнула и смущенно отвернулась, а Дима снова рассмеялся и жестом пригласил нас сесть за стол. Прозрачная жидкость в бутылке оказалась не водкой, а разведенным спиртом, что повергло меня в ужас, но Дима не заметил этого, разлил спирт в рюмки, и провозгласил тост за счастливых жениха и невесту. Миша и Дима пили, ели, разговаривали, а я слегка пригубив, грызла яблоко, слушала их беседу и часто замечала на себе взгляды обоих парней, причем в Мишиных глазах мелькало какое-то беспокойство, в то время как от Диминых мне хотелось куда-то спрятаться – он смотрел так пристально, как будто раздевал глазами, и тонкая ткань блузки не была помехой, и он все видел сквозь нее. Русоволосого Диму нельзя было назвать красавцем, но крепкая ладная фигура производила впечатление, да еще его рассказ о себе – он охотился в тайге, попадался в пургу в тундре, дрался один против пятерых, ночевал в зимовье у оленеводов. Я заслушалась, е сводя с него глаз: теперь Мишин друг мне представлялся сродни тем мужественным героям Джека Лондона, которые бросают вызов судьбе и ловят удачу. Может быть, чаще, чем следовало бы, мы встречались глазами, и я чувствовала поднимающуюся в сердце теплую волну симпатии к Диме, потому что он, столько повидавший на белом свете, вдруг обратил на меня внимание.

Надо сказать, что я как-то незаметно расцвела к своим 18-ти годам: теперь уже никто не называл меня семиклассницей. Я часто гляделась в зеркало, все больше удивляясь, те же серые глаза, те же непослушные прямые волосы, та же форма губ или носа, но все вместе представляло собой не тот портрет, что год или два назад.

Исчезли мучившие меня подростковые угри, цвет лица стал нежно-розовый, как цвет яблонь весной, а губы заалели, наверное, от частых поцелуев. Даже выражение глаз изменилось: теперь из зеркала на меня смотрела не комплексующая девочка-подросток, а симпатичная девушка, уверенная в своей привлекательности. Миша говорил, что я похожа на «Девушку с жемчужной серьгой» на Вермеера. Мне было и приятно, и радостно от того, что моя внешность чем-то напоминает творение старого мастера, хотя, возможно Миша мне льстил в ослеплении любви. Не смотря на честь, оказанную подобным сравнением я все же считала, что нельзя сравнивать девушку из плоти и крови и волшебное создание трепетной кисти.

А теперь я была в центре внимания обоих парней и наслаждалась этим. Меня уже не волновала не плохо скрываемая ревность моего жениха, ни скромные взгляды его друга – я упивалась сознанием своей привлекательности и манящим вкусом власти над мужчинами. Я поняла, что они оба находятся под моим влиянием, но в то же время чувствовала, насколько мне необ-

ходимы их слова и взгляды – это было сродни магнитному полю между разными полюсами, взаимное притяжение с обеих сторон.

Наконец, вечеринка подошла к концу, и мы с Мишей собрались домой, а Дима порывался нас проводить, хотя еле стоял на ногах, да и я зык у него заплетался. Он даже натянул волчью шубу, хотя это было нелепо в апреле, а потом достал из кармана пачку сотенных и, роняя купюры на пол, стал пересчитывать их, предлагая взять такси и продолжить веселье в ресторане. Я в жизни не видела столько денег и еще с большим интересом взглянула на Диму – этаким сибирский купчик, Прохор Громов или Привалов, личность колоритная, хотя и под винными парами. Представляю, как он вваливается в ресторан в своей шубе и начинает швырять деньги налево и направо, пить коньяк и шампанское, слушать цыган – дальше моя фантазия не работала.

Мише была не по душе перспектива продолжения разгула, и он постарался успокоить Диму.

– Уже поздно, ложись. Мы доберемся до такси, не волнуйся.

– М-м-миша, др-руг, возьми деньги.

– Да у меня есть.

– Н-ну какие у т-тебя деньги? У т-тебя свадьба с-скоро, а у м-меня – во, целая пачка.

Дима снова достал пачку сотенных и помахал перед Мишиным носом, но тот отвел его руку.

– Диман, ну зачем ты так? У меня есть деньги на такси. Кстати, – Миша повернулся ко мне, снял песца с плеч и протянул Диме – извини, но мы не можем принять этот подарок.

Неизвестно, чей королевский жест поразил меня больше: Димы, сделавшего дорогой подарок, или Миши, этот подарок отвергшего, но поступок Миши был непонятен. Интересно, почему мне нельзя принять свадебный подарок от его лучшего друга? Да, Дима сейчас не в лучшей форме, но сделал он его от чистого сердца! Жаль, что мне не придется носить такой красивый мех, но я не буду ссориться с женихом накануне свадьбы, даже ради горностаевой мантии.

Дима равнодушно посмотрел на песца и состроил недоуменную гримасу:

– К-какой подарок? Ах это! Брось, Миша, я еще достану. Лидочке он так к лицу.

– Нет, спасибо, конечно – наотрез отказался Миша – но это слишком дорого для нас.

Он пожал Диме руку и открыл дверь. Испытывая непонятную неловкость, я подошла к хозяину квартиры, стоявшему в растерянности в расстегнутой шубе и распахивающему по карманам сотенные, и сказала успокаивающе:

– Спасибо Дима. Все было очень хорошо. Рада была познакомиться с тобой.

Он молча кивнул и положил мне на плечо свою тяжелую руку, потом резко притянул к себе и жадно поцеловал в губы. Не закрывая глаз, я покосилась на Мишу: раздражение на его лице читалось столь явно, что я поскорее вырвалась из Диминых жадных рук, бросилась за дверь и стремглав побежала вниз по лестнице. Миша следовал за мной, отсчитывая ступеньку за ступенькой. Я выскочила из подъезда и остановилась, разгоряченная быстрым бегом, вдыхая прохладу весеннего вечера и прижимая ладони к пылающим щекам. Михаил стоял рядом, покусывая губы и похоже, он был недоволен.

– А я и не знал, что ты кокетка, – наконец выдавил он из себя.

– Мне непонятна твоя ревность, – отозвалась я. Действительно, почему я должна нести ответственность за поведение его друга?

– В конце концов ты Диму знаешь дольше, чем я и должен был предполагать, на что он способен.

Миша ничего не ответил, взял меня под руку и повел на стоянку такси. Настроение мое было подпорчено выходками и того, и другого, и я уже пожалела о том, что согласилась пойти на эту вечеринку.

Но сожалеть пришлось не только об испорченном настроении. Если бы знать заранее, какие непоправимые последствия принесет мне этот вечер, то я сбежала бы от Димы, как от чумы. Но мне и в страшном сне не приснилось бы тогда, что он роковым образом повлияет на мою судьбу, поэтому, когда на следующий день ко мне домой появился Дима, я была удивлена, но и только. Он смущенно улыбался.

– Как ты меня разыскал? – спросила я, не приглашая его войти.

Дима протянул мне пакет, который до этого прятал за спиной. В пакете лежал белый песок.

– Я узнал адрес в деканате. Не обижай меня отказом, Лидочка. Правда, я от чистого сердца хотел сделать вам обоим приятное.

– Ты... только из-за этого искал меня? – я обрадовалась возвращению белого песка.

– Не только, – Дима говорил, избегая смотреть в мои глаза. – Я пришел извиниться за вчерашнее. Ты, наверное, думаешь обо мне черт знает что. Ну что я пьяница или еще хуже.

– Брось, Дима. И ничего такого я не думаю – возразила я.

Откровенно говоря, Дима вчера был хорош, но мысли о белом песчовом воротнике украсили впечатление о нем. А он все продолжал извиняться.

– Прости, если я вчера сделал что-то не так. Я был не в себе. Я не хотел вставать между тобой и Мишкой... Кстати, вы не поссорились?

– Дима, не надо. С чего это нам ссориться? Миша меня очень любит и... верит.

Тут я поняла, что не слишком вежливо держать его на пороге и позвала в комнату, но Дима отказался и в свою очередь предложил мне поужинать с ним в ресторане.

– В знак того, что ты больше не думаешь обо мне плохо, Лидочка.

Вот это да! Я покосилась на Диму, который стоял прислонившись к дверному косяку и смотрел на меня нежным взглядом, и не могла сообразить, что означает это приглашение. Прожив 2 года в Ленинграде, я бывала в кафе, а в ресторане еще ни разу, но в моем представлении ресторан считался не вполне приличным местом, но обнаружить перед Димой свою предубежденность я не решилась – вдруг он посчитает это за неотесанность.

– Пойдем, – ответила я, все еще пребывая в сомнении: Миша должен был работать в этот вечер, а от его лучшего друга я не ожидала неприятных сюрпризов.

На Димином лице проскользнуло какое-то странное выражение, словно он не ожидал, что я так легко соглашусь, которое, однако, довольно быстро сменилось на радостно – восторженное.

– В таком случае жду тебя в машине.

Еще одна новость: у Димы есть машина! Он подтвердил, да, в его машине, вишневые «Жигули» последней модели. И я снова с интересом посмотрела на Диму: ну что за парень, все атрибуты благополучия при нем – и квартира, и престижная марка автомобиля, и куча денег, да и внешне он вполне ничего. Серые глаза под грустными черными бровями, прямой нос, чувственные губы – мужественное лицо покорителя Сибири и искателя приключений. Да и одет он с иголочки в импортный серый костюм и тонкий белый свитер.

В предвкушении зависти всей слабой половины человечества от того, что такой замечательный мужчина будет моим кавалером, я выбирала платье, но не одно из них мне не казалось подходящим. Наконец, я остановилась на жемчужно – сером мини с удлиненной линией талии и юбкой в крупную складку. Плащ, туфли на платформе, мазок помадой – и я спустилась вниз по лестнице, села в «Жигули», и машина рванула с места.

Глава 10

Как обычно по вечерам, возле «Метрополя» толпились жаждущие попасть внутрь, но нам не пришлось стоять в очереди: Дима что-то пошептал на ухо швейцару, и тот пропустил нас. Потом он также переговорил с официантом, и тот посадил нас за удобный столик. И заказ Дима сделал уверенно и толково, словно каждый вечер ужинал в «Метрополе», а я все больше восхищалась его способностями.

Мы пили шампанское. Дима говорил в тот вечер мало, предоставляя инициативу мне, и я постепенно теплела душой в присутствии столь благодарного слушателя. Он положил свою руку поверх моей и я смутилась от явной интимности этого жеста, но не запротестовала, не убрала эту непрошенную тяжесть. Дима смотрел на меня восхищенно, искры огня мерцали в его глазах. На секунду мне показалось, что он плохо слушает мои откровения – рассеянная улыбка блуждала по его губам и сам он был далеко, в своих мыслях.

– Какая ты красивая, Лидочка, – приглушенно сказал он, – перебив меня на полуслове.

– Что? – отозвалась я на неожиданное его восклицание, а сердце замирало от восторга.

Приятно было осознавать, что такой замечательный мужчина воздаст тебе должное, а я так долго ждала, что кто-нибудь признает меня красавицей. Как это необходимо мне было для самоутверждения, но даже Миша, мой единственный любимый Миша не догадался сделать это.

– Я сказал, что ты очень красивая.

– Миша говорит, что я похожа на «Девушку с жемчужной серьгой». Эта картина Яна Вермеера.

Дима отрицательно покачал головой.

– Миша ошибся: ты ни на кого не похожа.

«Любить иных тяжелый крест,

А ты прекрасна без извин...»¹³

Он взял мою руку в свои и неожиданно поцеловал. Я залилась краской, но руку не отдернула. Я уговаривала себя, что не делаю ничего плохого, что Димин поцелуй ничего не значит, а его комплименты оставляют меня равнодушной, но боже мой кого я хотела обмануть? А Дима поцеловал мою руку еще раз и сказал с ноткой отчаяния:

– Какая глупость!

Я взглянула на него с непониманием.

– Какая глупость, что мы не встретились раньше, Лида! – он говорил, пристально глядя мне в глаза. Ведь я хорошо знаю всех Мишиных одноклассников, почти все они живут в моем дворе, и я мог пойти к Женьке и там встретить тебя.

Я снова отрицательно покачала головой. Дима заметил это и ощутил мое недоверие.

– Ты мне не веришь? Но почему? – спросил он с некоторой обидой.

Я убрала свою руку и ответила:

– Ты, конечно, мог пойти тогда к Женьке, но на вряд ли обратил бы меня внимание.

Наступила его очередь удивляться.

– Год назад я была подростком, – объяснила я – угловатым подростком, и это вряд ли заинтересовало бы такого взрослого человека, как ты.

Дима уверял меня, что это не так, что в любом подростке смог бы разглядеть будущую женщину, а уж его-то я наверняка оценила бы по достоинству. И в моем сердце появилось нечто похожее на сожаление.

– Чур меня, – подумала я, отгоняя эти непрошенные сожаления. Я старалась избавиться от магии Диминого обаяния, но это было нелегко.

Мы пошли танцевать, и мне хорошо было рядом с ним. Я замечала: дамы в ресторане смотрели заинтересованно на моего спутника и с пренебрежительным недоумением на меня, а мой нос задирался от гордости все выше. Танго казалось нескончаемым, Димины объятия все теснее, а слабый голос совести все глуше и глуше, и я даже не вспоминала Мишу с его разгрузкой вагонов, живя в полной мере настоящим, забыв на время прошлое и не думая о будущем.

После танца Дима налил еще шампанского, а потом позвал скрипача, и он играл чардаш только для меня, трясая головой и сверкая глазами в мою сторону. Я сидела, замороженная зажигательной мелодией и чувствовала себя королевой.

За весь вечер у меня даже не возникло вопроса, как буду добираться до дома, но выйдя из ресторана, я недоуменно посмотрела на Диму, когда мы направились к вишневым «Жигулям».

– А ты разве сможешь вести машину? – поинтересовалась я.

– Why no? – усмехнулся Дима – во первых, я не так много выпил, а во вторых у меня есть средство от запаха.

Дима достал из кармана коробочку, вынул оттуда пилюлю и проглотил.

– Импортная, – объяснил он, – батя привез из Финляндии.

И добавил веселым голосом, прижимая меня к себе:

– Не бойсь, Лидочка. Подумаешь – шампанское, кислятина. В Норильске бывало, дернешь полбанки и чихал я на ГАИ.

– Это как у Брехта, – сказала я, высвобождаясь из его объятий – «чуть-чуть водки, и мира как не бывало?»

Помедлив секунду Дима захохотал:

– Вот, вот – «и мира как не бывало». Никого нет – мы одни, мы в целом мире одни, Лидочка! И никаких проблем – ни ГАИ, ни вытрезвителя, ни твоей свадьбы с Мишкой.

А потом вдруг помрачнел и сказал, окинув меня беглым взглядом:

– Садись. Я отвезу тебя.

Усевшись на заднее сидение я закрыла глаза и расслабилась под мерный рокот мотора. Уже стемнело, зажглись огни витрин на Невском. Накапывал дождь. Дима включил дворники, и они шуршали, навевая сон. Только сейчас радостно-возбужденное состояние уступило место утомлению, и я не заметила, как задремала, отодвигая на потом все мысли о прошедшем вечере.

Дима что-то спросил, я не ответила, только чуть приоткрыла глаза. Мелькала радуга световых надписей, доносился гул от пролетающих мимо автомобилей, я уже не соображала, куда мы едем, решив, во всем положиться на своего спутника.

Сквозь сон я услышала, что машина остановилась, и Дима сказал:

– Приехали.

Он открыл дверцу и вышел из машины. Я тоже стала выбираться наружу, полуоткрыв глаза, опираясь на Димину руку, по прежнему оставаясь погруженной в сон. В этот сон логически вплеталось все, что я машинально делала – шла ли к подъезду, ждала лифт, ехала в лифте. Стоп! При чем тут лифт, если в подъезде тетушкиного дома нет и не было никакого лифта?

Я тут же проснулась окончательно и увидела себя на пороге Диминой квартиры, которую он только что открыл своим ключом.

– Дима, – позвала я, беспомощно озираясь по сторонам – зачем ты меня сюда привез?

– Извини, Лидочка, но ты заснула... А я забыл тебе сказать, что при повороте к твоему дому есть пост ГАИ, а я не рискнул.

Он говорил быстро-быстро, и было непонятно врет он или нет. У меня мелькнула мысль, что Дима намеренно привез меня сюда, но я отогнала ее с досадой: Миша считает Диму своим лучшим другом, и лучший друг не должен обманывать его доверие, и хотя вздохи, намеки

и комплименты Димы, по моему разумению, выходили за рамки дозволенного, но даже это я готова была оправдать тем, что он несколько увлекся, выпил лишнее и дал волю эмоциям.

И вот я стою у распахнутой двери в его жилье и думаю... Уже ночь, последние трамваи идут в парк. Пока я доберусь до метро, закончатся пересадки с одной линии на другую.

Нет, ехать домой бессмысленно. Останусь, будь что будет. И дай бог, чтобы Михаил не узнал об этом.

Дима провел меня на кухню, где мы пили кофе с коньяком. Сонная одурь улетучивалась, словно ее и не бывало, постепенно восстанавливалось душевное равновесие, и радужный хозяин меня уже не пугал. Наоборот, мне вновь было приятно в его обществе, и хотя он успел сменить свой костюм на черный свитер и старые джинсы, но магия его обаяния действовала столь же эффективно, как если бы он был в шикарном смокинге от модного портного.

Мы были вдвоем, и не перед кем было тешить свою гордыню тем, что такой кадр на сегодняшний вечер мой. И вдруг я поймала себя на крамольной мысли, я хочу, чтобы Дима меня поцеловал. Я жду, я просто жажду этого. Он скоро уедет, даже не будет на нашей с Михаилом свадьбе, но удовольствие от прошедшего вечера будет неполным, если я не узнаю вкус его поцелуев. Дима молча смотрел на меня, казалось, он догадывался о чем я думаю: во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы он догадался. И я тоже устала на него, не мигая, предоставляя возможность воспользоваться телепатией. Я понимала: начинается опасная игра с серьезным партнером. Это не Михаил, почти равный мне годами. Дима был взрослый мужчина, его при всем желании не назовешь мальчиком или юношей, наверняка его не миновали в жизни любовные приключения, но это меня в нем и притягивало больше всего. Опыт угадывался во всем его облике, опыт незаурядный, и было бы обидно если бы он не поделился этим опытом со мной.

А Дима пододвинулся ко мне ближе и не отводя глаз от моего лица, стал целовать мне руку. Я вздохнула и закрыла глаза, а он продолжал целовать раскрытую ладонь, запястье, ямочку у локтевого сгиба. Он обнял меня и прижал к себе, продолжая целовать шею, губы. Сквозь грубую вязку свитера я чувствовала горячее напряжение его тела, это напряжение передавалось мне и я змеей извивалась в его руках, стремясь то вырваться, то прикоснуться к нему поближе. Поцелуи следовали один за другим, я чувствовала сладкий кончик его языка у себя во рту, ловила его губами и отвечала ему страстно и самозабвенно. Я не замечала под этим сладким гипнозом, что платье мое уже давно растянуто, а Димины руки ласкают оголенное плечо. Вздох облегчения раздался с моих уст, когда навстречу его ласкам высвободилась грудь, и я ощутила прохладу губ на горячем соске. Дима подхватил меня на руки, как пушинку и понес в комнату. Гипноз от его присутствия не проходил, ведь он все время был рядом: и я ощутила под свитером призывный маятник его сердца, и я откликалась на этот зов, и мои руки трепетно ласкали его кожу, узнавая каждую линию, каждый изгиб и наслаждаясь этим узнаванием. Я наслаждалась музыкой его прикосновений, постепенно погружаясь в бездну желания.

Дима оправдал мои ожидания: его страсть была столь же сильной, а завершение столь же самозабвенным, что и у меня, и мы лежали не в силах пошевелиться, чтобы не разрушить гармонию ощущений.

Но стоило мне повернуть немного затекшую руку, как вернулось ощущение реальности, и я почувствовала утомительную тяжесть чужого тела, а внутри – пустоту, как будто схлынувшая волна восторга обнажила подводные камни на дне души. Вмиг пустота заполнилась угрызениями совести, имя которым было Михаил.

Я резко села в постели рядом с Димой, отодвинувшись от него и не в силах выдерживать более его расслабляющих прикосновений.

– Ты что? – спросил Дима, садясь рядом.

Я отвернулась, чтобы он не увидел слез, которыми наполняло мои глаза раскаяние, но он заметил, взяв рукой за подборок и повернув мое лицо к себе.

– Ты плачешь? Что-нибудь не так? – растерянно проговорил он.

Я не хотела отвечать ему. Зачем он спрашивает? Неужели его не мучает совесть за содеянное и переспать с невестой друга – для него в порядке вещей? Не хочу перекладывать свою вину на кого-то, ладно, я – 18-ти летняя дурочка, но ведь Дима старше нас обоих – и меня, и Миши, он-то должен сознавать, что он делал? Миша... Его образ постепенно заполнил мое сознание, а глаза цвета крепкого чая, казалось, заглядывали в самую глубину моей души и укоряли за измену.

Но, вероятно, Дима не терзался сомнениями. Он снова поглаживал мои плечи и поцеловал мокрое от слез лицо.

– Зачем ты это сделал, Дима? – я задала вопрос, наверное, подсознательно желая разделить с ним ответственность за содеянное. – Ты специально все подстроил? Как я теперь вернусь к Мише?

Дима усмехнулся и ответил твердым голосом, без проблеска каких бы то ни было сантиментов:

– А ты, Лидочка, сама не подумала об этом?

Горькое чувство охватило меня, помимо раскаяния – чувство растоптанности, будто мною вытерли грязную обувь и выбросили на помойку, и волна отвращения к себе и благополучному, красивому, богатому Диме поднялась во мне. Не в силах оставаться дольше с ним, я спрыгнула с постели, подбирая разбросанную по комнате одежду и быстро одеваясь.

– Ты куда, Лидочка? Лидочка! – закричал Дима, тоже вскочив с постели и пытаясь помешать мне одеваться. – Лидочка, ну не уходи, ведь тебе было хорошо со мной! Признайся, было? Неужели ты так уйдешь? Прости, если я что-то не то сказал. Лида, какая глупость... Куда же ты пойдешь? Ведь еще только пять... Лида!

Я не слушала Диму, вырываясь и отталкивая. Теперь его объятия уже не казались мне притягательными – они раздражали, как крапива и даже легкое колотье чувствовалось на коже. Еле сдерживаясь, чтобы не сказать что-нибудь резкое на прощание, я схватила плащ и сумочку и выбежала в прихожую, где с трудом разыскала свои туфли. Замок не поддавался, заставляя понервничать, и Дима, вышедший в прихожую вслед за мной, открыл его сам.

– Иди, – коротко сказал он.

Взглянув на него, стоящего рядом, завернутого в простыню, я угадала то же смятение, господствующее в его сердце, что и у меня. Ну ладно, даже если моя догадка правильная, и Дима все подстроил, но я-то поддалась! Теперь вот стой и мучайся, как показаться на глаза жениху, а вчера ты о нем думала? Вспоминала ли его хотя бы один миг, когда скрипач наигрывал для тебя «Чардаш» или когда ты таяла в Диминых объятиях? Да ты и думать о нем позабыла, тебе хорошо было с его другом, ты его хотела. Да, да, ты хотела Диму, ты его получила, а теперь он тебе не нужен. Но он и вчера тебе был не нужен, и позавчера, так зачем же ты пришла сюда?

За те мгновения, что я стояла у открытой двери, я угадала весь его невысказанный монолог и поняла явную его правоту.

– Прощай, – тихо проговорила я, опустив глаза и захлопнула дверь в Димину квартиру с намерением больше никогда не возвращаться в его жизнь...

Трамваи еще не ходили, идти мне было некуда, и я дремала, сидя на батарее под лестничной клеткой. Как мне хотелось встать под теплый душ и смыть с себя запах Димы, стереть все его прикосновения – если бы так легко можно было осадить всю муть, поднявшуюся со дна моей души! Одна надежда, что Миша ничего не думает – я не хочу потерять его. Я буду с ним ласковой, нежнее обычного, я все сделаю, чтобы загладить свою вину. Да, но как мне с ним встретиться сегодня?

Встреча эта произошла раньше, чем я предполагала. Как только я добралась до дома, проехав первым трамваем по спящему городу, потом в полупустом в этот ранний час вагоне

метро, я на цыпочках прошла по темному коридору, бесшумно открыла дверь в комнату и... нос к носу очутилась рядом с Михаилом. Он стоял посреди комнаты бледный, с красными от бессонницы глазами.

– Что ты здесь делаешь, Миша? – смущенно спросила я. – Ты не ходил на работу?

– Где ты была? – в свою очередь спросил он меня глухим голосом.

– И как ты оказался в моей комнате? И куда девалась тетя Дуся? – я продолжала задавать вопросы, стремясь оттянуть время ответов, а Миша повторял свое:

– Где ты была?

– Миша, ты не ложился? Сумасшедший. Хочешь, я поставлю чайник?

– Где ты была?

– Ну как хочешь, а я выпью горяченького. Позавтракаем вместе?

– Где ты была?

– Ты что, со мной не разговариваешь?

– Где ты была?

– Ну что ты заладил, «где ты была», да «где ты была». Где надо, там и была... Я ночевала у Оли.

Миша взглянул на меня прищуренными глазами, в которых читалось возмущение. Сжав кулаки, он двинулся ко мне, и я отступила и прижалась к стене, испугавшись его внезапного гнева, но он только до боли сжал мое плечо.

– Вот только врать не надо. Ни у какой Оли ты не была. Я звонил туда.

– Зачем? – мой голос предательски задрожал.

– Твоя тетя попросила. Я обзвонил вчера вечером всех твоих знакомых, все больницы и морги. Тетя твоя с ума сходила.

– А где она?

– Тебя это интересует? Тогда может быть, ты вспомнишь, что у нее поездка в 8:30, и она чуть свет ушла на работу. Ладно, тебе плевать на меня, но тетка твоя почему должна страдать – позвони, скажи диспетчеру, что ты нашлась.

Я убрала его руку и вышла в коридор позвонить. Пока набирала номер, говорила с диспетчером, думала только о том, как все объяснить Михаилу, но придумать ничего не могла и вернулась в комнату. Михаил тут же снова прижал меня к стене и продолжил допрос. Я старалась не встречаться с ним глазами и одновременно сочинить что-то правдоподобное, но Михаил опередил меня.

– Ты была с... Димой? – нерешительно произнес он.

Я вздрогнула от неожиданности и попыталась изобразить на лице возмущение, но Миша уловил мой испуг и громко рявкнул:

– Ты была с Димой? Говори! Ну говори же!

Он тряс меня за плечи, как будто хотел вытрясти душу или мой правдивый ответ. Его воспаленные от бессонницы глаза были полны такой тоски, что было видно: он уже знает правду, догадывается о ней и с ужасом ждет подтверждения своих догадок. Ситуация была мучительной для нас обоих, и моя ложь только продолжила бы агонию, поэтому, глубоко вздохнув и набравшись храбрости, я выпалила Мише в лицо:

– Да, я была с ним.

Я подумала, что он влепит пощечину после этого признания, но Миша отмахнулся от меня, как от прокаженной, и отступил на два шага назад, покачивая головой, как бы не веря услышанному.

– Миша, – воскликнула я, не дождавшись от него ни слова, – Миша, прости меня. Это произошло помимо моей воли...

– Стоп, – перебил Михаил, отгораживаясь от меня рукой – подробности меня не интересуют... Но как ты могла?

Он изливал на меня презрение, он был одет в него, как в броню, и никакие мои доводы, никакие слезы не могли ее пробить. Я плакала, умоляя выслушать, чуть в ногах у него не валялась, но все было бесполезно.

– Оставь меня, – прикрикнул на меня Михаил, когда я вцепилась в него, – Ты подлая, лживая. Ты никогда не любила меня.

– Миша, это все это не так. Выслушай наконец!

– Я так верил тебе, а ты... лгала! Мама была права, ты преследовала свои интересы, тебе нужна была прописка, а не я...

– Миша, как ты можешь меня подозревать?

– Замолчи!

Его лицо потемнело от гнева, вызванного отчаянием и оскорбленным самолюбием. Боль застыла в его глазах, и они уже не ласкали и не расслабляли – это были чужие глаза страдающего человека. Я закрыла лицо руками, а Миша продолжал выговаривать:

– Тебе же все равно с кем. подвернулся другой, побогаче, и ты тут же лезешь к нему в постель.

– Миша, зачем ты так, ты же меня знаешь, – умоляла я.

– К сожалению, выяснилось, что не знаю, – ядовито заметил он, – если бы вчера не сорвалась моя работа и я не пришел к тебе, я бы так и оставался... дураком, которого ты всю жизнь водила бы за нос.

– Миша, я виновата, прости меня, но я люблю только тебя.

Не надо было говорить это: Миша так и взвился:

– Любишь! А когда ты с ним в постели валялась, ты кого любила?

Я заплакала, а Миша снял свою куртку с вешалки и собрался уйти.

– Надеюсь, ты понимаешь, что между нами все кончено? – тихим голосом сказал он на прощанье, и меня поразила будничность его тона: тут жизнь рушится, а он...

– Стой, Мишка! – заорала я, когда он уже топтался у двери – Ты сейчас судишь меня, осуждаешь. Ты можешь перечеркнуть все хорошее, что было между нами из-за одной ошибки. Не перебивай, ты умиляешься своей принципиальностью, но, Миша, никто не будет любить тебя так, как я. То, что жить без тебя не смогу, я уже знаю, но ты... сможешь без меня?

Рыдания не давали говорить, душили, слезы катились по лицу – я осознавала важность момента: еще миг – и пустота, поэтому хотелось высказать все, что наболело, возможно больше такой момент мне не представится. А Миша, мой дорогой любимый Миша стал вдруг неузнаваемо жестким в язвительной гримасе и он сказал насмешливо:

– Перестань, Лида. Ты плохая актриса и уже сыграла все свои спектакли.

Хлопнула дверь, а я в бессилии опустила на теткин у кровать. Может быть, побежать за ним, вымаливать прощение, валяться в ногах. Как там у Ахматовой-

«Улыбаясь, я крикнула: «Шутка

Все что было. Уйдешь – я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой не ветру».¹⁴

Вот он и ушел со спокойной жуткой улыбкой, бескомпромиссный, уверенный в своей правоте и я, вдоволь нарежевшись стала думать, как бы найти возможность к примирению, но в голову ничего не приходило, тем более в своих бедах я сама была виновата. В институте Ася подсыпала соль на рану, сообщив, что вся их компания собирается завтра у Миши, чтобы проводить его в армию. Подразумевалось, что я тоже приглашена, и я не стала ее разубеждать.

На следующий день Ася то и дело поглядывала на меня с недоумением, но ничего не спросила, да и рассказывать о прошедшей вечеринке не спешила.

Мишу я не видела – он не шутил, когда сказал, что между нами все кончено. Тоскливо прошел день, на который была назначена наша свадьба, наконец, подошло время идти Мише в армию.

С утра я названивала Асе, чтобы уточнить, во сколько уезжает Михаил и к какому району относится их военкомат – к Выборгскому или Калининскому, но безуспешно, ее номер не отвечал. Потом выскочила на улицу где шел дождь. Я спешила, чтобы успеть проводить Мишу и, может быть, поговорить. Я уже истомилась за дни нашего разрыва, и не могла допустить, что Миша уйдет в армию, не сказав мне ни полсловечка на прощанье.

Как назло, меня все что-то задерживало, то долго не было автобуса, то в метро работал эскалатор на подъем на Финляндский вокзал, а не на улицы Боткинскую и Лебедева, где я обычно выходила рядом с трамвайной остановкой, так что терялись минута за минутой, и я боялась опоздать. И вот наконец, когда я прибыла к военкомату, то долго не могла отыскать Михаила в толпе призывников и провожающих, заполнивших весь переулок. Рядом в ожидании стояли несколько автобусов. Шоферы покуривали и бесстрастно взирали на это вавилонское столпотворение. Офицеры поглядывали на часы, но не спешили давать команду к отправке. Парни в плащах и куртках, с сумками и рюкзаками, шумели, курили, обнимали заплаканных матерей и девушек – я вглядывалась в их лица, но не могла найти Михаила. Я протискивалась еще и еще, переходя от одной группы к другой и когда уже совсем отчаялась в своих поисках, вдруг увидела промелькнувший знакомый профиль, и тут же чьи-то головы сомкнулись и скрыли его от меня.

Двинувшись в том направлении, я пробиралась все ближе и ближе, как вдруг внезапно открывшаяся картина заставила меня остановиться. Да, это был он, Михаил, рядом с ним Дора Соломоновна, зареванная, маленькая и жалкая, не похожая на ту решительную женщину, какой она мне показалась при нашей единственной встрече и какую я знала по рассказам ее сына. А еще с ними была Лена.

Сердце у меня сжалось, когда я увидела ее в модном плаще и потрясающем брючном костюме, улыбающуюся и удивительно красивую. Она держала Мишу под руку и что-то говорила, заглядывая ему в глаза, он улыбался, отвечал односложно, кивал головой, а лицо у него было таким замкнутым – ничего не прочесть, но, впрочем, все и так было ясно. Как они смотрели друг на друга, как она по-хозяйски обнимала его, а Михаил не отталкивал, а наоборот прижался щекой к ее лбу. Боже мой – я спешила, чтобы увидеть это и понять, что надежды нет никакой!

Наконец, офицер с громкоговорителем в руках приказал строиться. Наступила минута прощания. Все как-то встрепенулись, взметнулись объятия, еще горше лились слезы – слезы расставания. Призывники смущенно целовались со своими домашними, а некоторые счастливы, которых провожали девушки, отдавали им свои прощальные поцелуи.

Миша подхватил синюю спортивную сумку, Дора Соломоновна взвыла и повисла у него на шее, Миша убрал ее руки и поцеловал в заплаканные глаза, что-то быстро-быстро говоря ей на прощанье, а потом протянул руку Лене. Легкая усмешка промелькнула на ее лице, она пожалала протянутую руку, а потом, дерзко сверкнув глазами жадно впиалась в его губы.

Я стояла, не двигаясь с места, смотря на них во все глаза. Мимо меня шли туда-сюда, меня толкали все, кому не лень, а я не могла пошевелиться, загипнотизированная их поцелуем. Горькие непрошеные слезы текли по моему лицу, смешиваясь с мелкими дождевыми каплями, а мир рушился и уходил у меня из-под ног.

Не помню, где я бродила потом – не имеет значения. Ленинград потерял для меня свое очарование, превратившись в бездушный каменный мегаполис – порождение inferнальных миров. Он выпил из меня все жизненные силы, он отравил мою душу своими ядовитыми испарениями и растоптал мою любовь. Вокруг были люди, много людей – они спешили, толкаясь

и извиняясь на ходу, но все их громадное число, все 5 миллионов не могли заменить мне одного Михаила, которого я потеряла по собственной глупости. Я не видела ничьих лиц, не различала никаких слов – перед глазами стояла картина их жадного поцелуя. Передо мной в душе легла такая ужасающая пустота, что кричать хотелось.

Пустота моментально заполнилась болью, и я понимала, что проживи я еще пять, десять, двадцать лет, она не исчезнет, потому что это боль утраты.

«Жить приучил в самом огне,
Сам бросил в степь заледенелую.
Вот что ты, милый сделал мне.
Мой милый, что тебя я сделала?»¹⁵

Повторяла я горькие строки. Миша, Миша, за что ты меня так? Ты ушел из моей жизни, а я буду жить по-прежнему – есть, пить, говорить, сдавать экзамены. Но какой в этом смысл? Кто заменит мне тебя, мою единственную любовь? Ведь опустошенное сердце любить не сможет...

Я машинально вошла в метро и вдруг остановилась возле аптечного киоска. Ноксирон... Вот где выход, решение всех проблем. Вот оно, лекарство от нестерпимой боли, терзающей мое сердце. Миша говорил, что эти таблетки можно купить без рецепта, а там...

Потоптавшись немного, я приобрела две упаковки и поехала домой, полная решимости поставить крест на своей загубленной, как мне тогда казалось, жизни.

Глава 11

Мне стыдно сейчас вспоминать подробности этой первой и последней попытки суицида. С тех пор, сколько бы ни было в моей жизни горьких моментов, я стараюсь все вытерпеть и достойно нести свой крест.

Но тогда я и впрямь считала, что выхода нет, поэтому в тетино отсутствие надела лучшее свое белье и выпила одну за другой – все 20 таблеток, не считая нужным оставить письмо или записку. Секунда, другая – наступил спасительный покой, потом чернота и полное забытие...

Я стала ощущать на себе чьи-то прикосновения, кто-то трогал мой пульс.

– Брадикардия. Давление измерили?

– 80/60

– Добавьте в капельницу...

Слышались чьи-то голоса, но смысл слов до меня не доходил, и я не могла понять, где нахожусь. Глаза почему-то не открывались – казалось, я забыла, как это сделать. И вообще мне было не пошевеливать ни рукой, ни ногой. Впрочем, я попыталась подвинуть руку и ощутила боль в локтевом сгибе. Что-то чужеродное мешало мне и вызывало эту боль, но что это, я догадалась позже, когда приоткрыла глаза и увидела женщину в белом халате, держащую в руках шприц и что-то вводящую из него в резиновые трубки.

– Это капельница, – подумала я – Я в больнице. Но что со мной случилось?

– Доктор, она открыла глаза! – воскликнула женщина со шприцем.

Ее лицо я никак не могла разглядеть, как и лицо доктора, склонившегося надо мной – мой взгляд блуждал из угла в угол, голова кружилась, и все увиденное сливалось в одну хаотическую массу. Кто-то, вероятно, доктор склонился надо мной и громко сказал прямо в ухо:

– Лида, Лида, ты слышишь меня?

Я пыталась ответить, но язык не слушался, да и рот было не разжать, и пришлось доктору несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем я смогла ответить с большим трудом:

– Слышу... Где я?

Манжетка сжимала мне другую руку – еще один человек измерял мне давление, я скорее догадывалась об этом, чем видела своими глазами.

– Ты в больнице на Пионерской, – ответил мне тот же голос, а потом спросил у своего коллеги:

– Сколько сейчас?

– 90/60

– Что со мной, доктор? – прошептала я.

– Разве ты ничего не помнишь, Лида? Ты выпила много таблеток.

– Зачем?

– Вот и я не знаю, зачем, – вздохнув, сказал доктор, но я уже опять провалилась в какие-то темные глубины.

Позже я окончательно пришла в себя и вспомнила все случившееся накануне, но удивительное дело! – то ли это продолжал действовать ноксирон и наступила эдакая эмоциональная приглушенность, то ли от того, что я на том свете побывала и вернулась другим человеком, но я не почувствовала той сильной душевной боли, возвращения которой так боялась. Вернее она была, но какая-то тупая, отдаленная, словно все это произошло не со мной, а с другой девушкой, и я переживаю за нее, а не за себя. А всем известно, что чужая боль не так чувствительна, как своя. Я узнала, что помог мне случай в лице соседки, которая зашла одолжить то ли соли, то ли спичек и увидела, что я сплю среди бела дня в неестественной позе. Это ей показалось странным и она позвала всех соседей. Кто-то из них нашел пустые упаковки из-под ноксирона,

все догадались, в чем дело и вызвали «скорую». А на Пионерской как раз находилась больница, куда привозили суициды со всего Ленинграда.

Ну и натерпелась же я в этой больнице – от неприятных процедур до неприятных распросов, но не обращала на это внимание. Я осталась жива – что ж, судьба. Теперь нужно каким-то образом возвращаться к нормальной жизни. Но как? Разве я смогу объяснить кому-нибудь причину своего поступка? А выдержать косые взгляды и разговоры за спиной? Конечно, виновата я сама, но от этого не будет легче.

Таким образом, меня выписали из больницы утром 30 апреля, и я вышла на свет божий, растерянная от груза навалившихся проблем и слабая физически. Суровая тетя Дуся встретила меня у ворот, и мы молча пошли на трамвай. До самого дома она не произнесла ни слова, но уж там она высказала все, что думала по этому поводу.

– Мало тебя Паша в детстве ремнем бил, надо было не жалеть – экая дрянная девка выросла, – бушевала тетя. – Жить ей надоело, видите ли – голодная она, оборванная, истрадавши бедная... Горю ты не знала, дорогая племяшка, вот что я тебе скажу...

– Оставьте, тетя, – попробовала я ее прервать, но мне это не удалось.

– Оставить? После того, что ты тут натворила? Да как бы я твоим отцу с матерью в глаза глядела, если б с тобой что случилось? Сказали б: «Недосмотрела, Дуня». А Дуня день и ночь на работе, а она тут и вытворяет, что хочет. И вот что я тебе скажу. Лида, больше я не потерплю такое в своем доме – ни за что.

– Больше этого не будет, тетя. Я уеду домой, в деревню.

Тетя аж на месте подпрыгнула после этого моего заявления и воскликнула:

– Ты это что удумала, поганка? Ты институт бросить удумала? Ну отвечай...

Слезы хлынули у меня из глаз, но я постаралась ответить тете:

– Как я теперь туда покажусь?

Тетя бросилась ко мне, обнимала и гладила по голове, а я все плакала и плакала, как будто только сейчас оплакивала все пережитое в последние дни. Голос тети потеплел, она уже не ругалась, а уговаривала ласково:

– Успокойся, Лиденька, не плачь. Что-нибудь придумаем, всяко в жизни бывает. Только институт не бросай – это самое главное. А таких Мишек у тебя будет пруд пруди – тьфу!

И она сплюнула в сердцах.

– Интересно, откуда она догадалась про Мишку? – подумала я. – Я же ни слова, ни полслова ни с кем...

Но, видно, тетя предполагала нечто более серьезное, чем простая ссора.

– Ты не беременна? – неожиданно спросила она.

Я перестала плакать и возмущенно посмотрела на нее:

– Тетя, как Вы можете предполагать такое? Да если хотите знать, у меня как раз сегодня первый день месячных, а Вы...

Видно было, что камень у нее с души свалился, так она сразу повеселела и заулыбалась.

– Так чего ж ты тогда переживаешь, дурочка? – спросила она ласково. – Не съедят тебя в твоём институте. Сделала глупость – забудь, все можно поправить.

– Как же, – мрачно отозвалась я. – Вы в мою справку загляните, что там написано... Можно с такой справкой в деканат?

Тетя достала из кармана справку, в которой черным по белому стояло: «Истерическое состояние, суицидальная попытка». Расспросив, что это значит, она задумалась, а потом приказала:

– Ложись и спи!

Я повиновалась, потому что слабость давала о себе знать, и мне даже за столом сидеть было трудно. Устроившись поудобнее на своей раскладушке, я тут же задремала. Последнее, что я слышала сквозь сон, это как в коридоре тетя набирала чей-то телефонный номер.

Разбудили меня приглушенные голоса, раздававшиеся в комнате. Беседовали двое – тетя и еще кто-то. Вскоре я поняла, что Оля Саманова.

– ... а так ведь с первого взгляда и не скажешь, кто чего стоит. Я и век бы не подумала, какой подлец этот Мишка, – возмущалась тетя.

– А Лида говорила что-нибудь? – спрашивала Оля.

– Оленька, ты же знаешь, какая она скрытная. Ну пусть я ей не мать, а тетка, но она ж для меня вместо дочери – так ведь все равно таится! Видела я, что с девкой неладно в последнее время, но про такое... Да ты бери еще медку, бери...

– Спасибо, тетя Дуся.

Они сидели за столом, пили чай и мирно беседовали. Я приподнялась на локте, и они обе сразу обернулись ко мне.

– Проснулась? Вставай, Лидуш. Оля к нам пришла, – сказала тетя Дуся.

Я кивнула Оле, она подошла ко мне и неожиданно обняла.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Оля.

– Ничего, – ответила я, застыдившись столь явного участия к моей скромной персоне.

– Голова не кружится?

– Нет.

Я быстренько привела себя в порядок и под села к ним. Тетя налила мне крепкого чая, и я медленно пила его глоток за глотком. Разговор не клеился – не станут же тетя с Олей обсуждать меня в моем присутствии! Мы перебрасывались изредка ничего не значащими фразами, а потом и вовсе замолчали. Я уже подумала, что напрасно тетя выложила Оле о последних событиях, что ей нужно было просто почесать язык, но я ошибалась. Оля приехала не из-за праздного любопытства или просто сочувствия – она хотела мне помочь.

– Если ты в порядке, то сейчас поедешь со мной, – сказала Оля, увидев, что моя чашка пуста.

– Куда?

– Я попросила кое-кого... Тебе напишут другую справку.

Я сначала ничего не поняла, но Оля объяснила, что в той справке будет написано, что я якобы болела ОРЗ, и никто в институте ни о чем не узнает.

– Кто же мне даст такую справку? Оля! Неужели ты все рассказала родителям? – я была почти в панике, но Оля сразу успокоила:

– Да ты что? Каким родителям? Я позвонила Виктору Ивановичу и он обещал... Только поедем сразу, сегодня у них короткий день...

Да, завтра Первое мая, праздник, как я забыла об этом! Ну что ж, Виктор Иванович для меня чужой человек, и смотреть в глаза ему будет проще... Я кивнула в знак согласия и стала собираться.

В начале второго мы приехали в первый медицинский, и Оля повела меня в кабинет Виктора Ивановича. Вокруг было пусто: у больных тихий час, у медперсонала обед, а студенты в предвкушении праздника уже разбежались из alma mater кто куда.

Оля постучала в дверь, на которой висела табличка с двумя фамилиями: «Бондаренко Б. Б., Воскресенский В. И.», и заглянула внутрь:

– Можно?

– Заходите, Оленька, – послышался приятный баритон.

Оля взяла меня за руку и мы вошли в кабинет. Эта была комната, узкая, как чулок, заставленная книжными стеллажами по стенам и двумя письменными столами возле окна. Кожаная кушетка стояла слева у двери, а справа – ящики с таблицами, схемами, муляжами.

Виктор Иванович сидел за столом. Он взглянул на нас обеих, на мгновение задержавшись на мне, и я заметила, что он чем-то похож на Михаила – те же карие глаза, тот же оттенок волос, правда не каштановый, а потемнее, но выражение лица другое: не восторженно-щенячье, как

у Миши, а серьезное, немного грустное. Что ж, может быть, такое лицо будет и у Михаила в 31 год – кто знает?

Возраст Виктора Ивановича я знала, конечно, от Оли, которая всю дорогу пела дифирамбы в его честь, и я еще более укрепилась в своих подозрениях насчет ее влюбленности.

Здесь, в его кабинете, я конечно не смотрела на нее, да и не за этим я сюда ехала, но ее трепетный голос, ставший до неузнаваемости нежным и чистым, как колокольчик, снова навел меня на эти мысли. Об отношении же Виктора Ивановича к подруге мне было трудно судить, кто его знает, о чем может думать взрослый мужчина, преподаватель, человек из другого мира и поколения? Хотя его желание выполнить Олину просьбу о чем-то говорило!

А Виктор Иванович пригласил нас сесть и достал из ящика бланк студенческой справки, пока Оля объясняла, что я та самая и есть ее протеже о которой она утром говорила по телефону.

Несомненно, она поставила его в известность о моей неудачной попытке свести счеты с жизнью – он посмотрел на меня с таим неподдельным любопытством, с каким посторонние люди смотрят на чужие свадьбы, похороны или аварии, и вероятно задавался вопросом, как я дошла до жизни такой, но лезть в душу без спроса воспитанный интеллигентный человек не станет, а Виктор Иванович именно был таковым, поэтому он задавал мне вопросы только для того, чтобы заполнить бланк:

– Фамилия, имя, отчество? Егорова Лидия Павловна? Так, год рождения? Место учебы? Сколько Вы пропустили? С 26-ого по...

Когда все было заполнено, он вручил мне справку со словами:

– Вот Вам документ – штампы и печати я уже поставил в регистратуре поликлиники.

– Спасибо... А если спросят, почему я лечилась не в своем районе?

– Так ты же по месту работы лечилась – воскликнула Оля с какой-то преувеличенной радостью, – Виктор Иванович, ведь она у нас работала в прошлом году в приемном покое. Я ее устроила. Вы ее помните?

Делать Виктору Ивановичу на работе нечего, кроме как запоминать физиономии всех санитарок, меняющихся чуть ли не каждый месяц. Правда в лице его появилось напряжение, очевидно, он все же попытался вспомнить меня, но навряд ли сумел, хотя ответил неопределенно:

– Да, да, кажется, что-то припоминаю.

Этот небольшой намек подбавил Оле восторженности, и она неожиданно начала меня расхваливать и благодарить Виктора Ивановича за то, что он помог такой замечательной девушке, хорошей подруге, одной из лучших студенток, которой светит красный диплом. Я даже подумала, что этими похвалами она пытается реабилитировать меня в глазах ее высокочтимого Виктора Ивановича, и мне стало неловко.

– Перестань, – попросила я, дернув Олю за рукав – такие речи говорят разве что на похоронах.

Оля замолчала. Мое замечание о похоронах напомнило о том, ради чего я сюда пришла. Мы переглянулись с подругой и собрались было уйти, но Виктор Иванович неожиданно попросил нас задержаться. Он потянулся к подоконнику и выдвинул из лежавших в беспорядке книг, бумаг, тетрадей вазу со свежими цветами. Эти цветы он разделил на 2 букета и протянул нам.

Мы снова недоуменно переглянулись, и я не сдвинулась с места, а Оля стала смущенно отказываться:

– Ой что вы, спасибо, не нужно!

Виктор Иванович тоже выглядел смущенным.

– Оленька, завтра же 1 мая – смотрите, сколько мне больные перед выпиской наташили. Ну что мне с ними делать? Возьмите.

– Вот и несли бы домой жене, – выпалила я, вероятно, несколько резковато.

Виктор Иванович удивился моему неожиданному выпадку и спокойно возразил:

– А у меня нет жены.

Устыдившись своей внезапной резкости, я взяла цветы, Оля тоже, глядя на меня, Виктор Иванович улыбнулся.

– Ну так что, с наступающим праздником!

– И Вас, Виктор Иванович, – сказала Оля.

Мы поблагодарили его и вышли.

Солнце светило, небо поражало своей голубизной, асфальт уже просох, пробивалась во всю зеленая трава, а люди шли без плащей и курток. Город был украшен к празднику флагами и плакатами и все толпились в очередях, покупая все подряд к праздничному столу. Мы несли цветы, подаренные Виктором Ивановичем и улыбались.

– Видишь, Лида, какой он замечательный человек, – вернулась Оля к излюбленной теме – восхвалению своего кумира.

– Да, – согласилась я, – он чем-то похож на артиста Тараторкина из ТЮЗа.

– Правда. А я и не заметила.

Оля улыбалась безмятежно, погруженная в свои мечты, и мечты эти были связаны, как об этом несложно было догадаться с одним человеком. Ей хватило небольшого поощрения с его стороны, этого самого букетика тюльпанов, как она сама расцвела, подобно весенним тюльпанам и нарциссам. Я же, пережившая любовное разочарование, смотрела на нее скептически, и задавалась вопросом, что она нашла в человеке старше себя на целую жизнь? Любовь, страсть, поцелуи – пусть другие лезут в эту трясику, а с меня хватит, сыта по горло. А тут еще эти цветочки... Я повертела в руках букет и вдруг швырнула ни в чем неповинные цветы в урну...

Глава 12

В институте никто ни о чем не узнал. Я сдала новую справку в деканат и продолжала как ни в чем ни бывало, посещать лекции и занятия. Летнюю сессию я сдала на «отлично» и с начала июля должна была отрабатывать практику на кафедре. Тетя Дуся, наконец, долгожданный ордер на выстраданную однокомнатную квартиру и пребывала в состоянии стойкой эйфории. Правда, квартира находилась на «выделках», на проспекте Ветеранов – далеко от центра, и до метро ехать в переполненном автобусе минут 20-ть, но тетину радость это не умоляло. Мы с ней и брат Саша, частенько навещающий нас, потихоньку складывали вещи и готовились к переезду. Саша был в курсе моих дел, но обсуждать их он не стал, только сказал в адрес Михаила:

– Вернется – убью.

Я была рада переезду и всей суете, связанной с ним – не оставалось времени на посторонние мысли, он лезли, непрошенные и будили приглушенную за последние месяцы боль утраты. Как наркоз отходит после операции, так отходила и анестезия чувств – защитная реакция, давшая мне возможность передышки. Я ожидала, и вновь просыпались прежние страсти, желания и связанные с ними страдания.

Ночью меня терзали воспоминания о Михаиле, в иступлении я обнимала подушку и прижимала к своей разгоряченной груди, по подушка всего лишь подушка, а я так жаждала его ласк.

Днем в свободное время я беспечно бродила по городу, заходя в магазины и кафе, толкаясь у витрин или в очередях за мороженым.

Подходило к концу время белых ночей, а за бесконечно длинный день солнце так нещадно изливало жар на городские камни, что даже вечером нечем было дышать. В такие часы я вспоминала деревню – густую тень сада, прохладу родника, свежий пряный ветер заливных лугов – но тут же пугалась своих воспоминаний: близился час появления пред мамыны очи после всего, что я здесь натворила и, хотя она не знает ничего, все равно мне было страшно.

Однажды меня навестила Оля Саманова. Мы с ней не виделись во время сессии, только перезванивались. Оля приехала с необычной просьбой. Она благополучно сдала экзамены и перешла на второй курс, а теперь собиралась на лето в Астраханскую область в стройотряд.

– Послушай, Лидочка, ты не могла бы поработать на моем месте в 3-ей терапии, хотя бы месяц? – попросила она, – у тебя все равно практика в городе, а лишние деньги тебе не помешают.

– Еще как, – отозвалась я, все еще не решаясь согласиться: отказывать Оле после всех ее проявлений дружеского участия было бы форменным свинством, но и таскать горшки в летнюю жару не больно хотелось.

– Понимаешь, многие хотят подработать. Я боюсь, мое место просто займут – добавила Оля, заметив мою нерешительность.

Все ясно, тогда не будет возможности видаться с Виктором Ивановичем во время дежурств, и, возможно, медицина потеряет для Оли свою привлекательность. Что ж, выносить грязь – это не такая уж великая жертва, на которую можно пойти ради подруги.

– Когда идти оформляться? – спросила я и Оля радостно бросилась мне на шею.

Через 2 дня мы расстались с Олей на Московском вокзале: ее впереди ждала Астрахань и помидоры в полях, а я прямо с вокзала поехала в клинику один ЛМИ на дежурство. Старшая медсестра отделения наставила мне ночей, чуть ли не на 2 ставки, да я и не протестовала. Пусть будет по возможности больше грязной черной работы, я буду уставать, как лошадь, и не полезут назойливые мысли о Михаиле.

Встретили меня на работе приветливо, а вскоре я уже суежилась в отведенных мне палатах. Отделение было мужским, и каждый раз, входя в очередную палату, я ловила на себе любопытные взгляды, а кое-кто из больных пытался заговорить и завязать знакомство. Я улыбалась, шутила, сохраняя при этом некоторую дистанцию, создаваемую словами и жестами, и не переставала удивляться мужчинам: ведь половина из них лежит здесь с ХПН, мне уже объяснили, что это такое и чем это грозит, казалось бы, какие тут знакомства и комплименты? Так нет – «какая хорошенькая девушка», да «Вы так мило улыбаетесь», да «сразу легче становится, когда Вы к нам приходите». А двое молодых парней стали ходить за мной по пятам и так и порывались мыть полы вместо меня.

Впрочем, скоро все уgomонились, и наша дежурная смена – сестры и санитарки – собрались в сестринской поужинать. Приятно было отдохнуть и расслабиться после суеты и беготни. Мы пили чай и трепались обо всем и ни о чем, забыв о погруженном в сон отделении, как вдруг Людмила, сестра со второго поста, вспомнила:

– А че ж мы сегодня, девы, забыли отнести ужин дежурному доктору!

– Санитарочка новенькая, вот и не знала – отозвалась вторая сестра.

Все дружно воззрились на меня.

– Ужин? – удивилась я, покраснев от всеобщего внимания.

– Пойдем, я все покажу, – предложила Людмила.

В пустой кухне стоял приготовленный поднос с судками, накрытыми крышками, и стаканом яблочного компота. Людмила приказала:

– Неси в ординаторскую.

Я без особого энтузиазма взяла поднос – вот уж не знала, что мне придется быть еще в роли подавальщицы – не слишком ли много за 60 рэ? Но делать было нечего, и через пару минут я уже стучала в ординаторскую.

– Да, пожалуйста, – отозвался мужской голос.

– Добрый вечер, – сказала я, входя в комнату, и замерла на пороге с подносом в руках.

Виктор Иванович собственной персоной сидел за письменным столом, освещенным яркой настольной лампой, и что-то писал в истории болезни.

– Добрый вечер, – Виктор Иванович оторвался от писанины и мельком взглянул в мою сторону.

Я подумала, что он просто меня не запомнил во время нашей единственной встречи, поэтому лучше будет, если и я сделаю вид, что не узнала его.

– Я принесла Вам ужин.

– Спасибо.

Избегая смотреть в сторону Виктора Ивановича, я поставила поднос на другой стол и повернулась к двери, но он окликнул меня:

– Если не ошибаюсь, Лида?

Все-таки узнал! Ну что же, надеюсь, доктор не болтлив и обстоятельства нашего знакомства не станут достоянием общественности. Я медленно развернулась к нему:

– Вы не ошиблись, Виктор Иванович. Это действительно я.

– Не ожидал встретить Вас здесь, Лидия Павловна. Вы ведь, кажется, учитесь в финансово-экономическом?

– О да. Но не пытайтесь сагитировать меня в пользу первого медицинского. Я не Оля Самонова.

Он рассмеялся:

– Я никого не агитировал.

– В таком случае, она ушла сама.

– Ну что же, – сказал он – придется пожалеть преподавателей финансово – экономического и не лишать их лучшей студентки.

Настал черед улыбнуться мне. А Виктор Иванович встал из-за стола и подошел туда, где стоял поднос.

– Не поужинаете ли со мной, Лида?

– Спасибо, я не голодна.

– В таком случае я угощу Вас кофе?

Он сунул кипяtilьник в металлический кофейник, стоявший тут же на столе, и усадил меня на диван. Неожиданно меня охватило смущение от того, что этот человек знает обо мне то, чего я стыжусь и предпочитаю забыть, и это знание неожиданным образом сближает нас помимо нашей воли. Вероятно, мы подумали об одном и том же – он как-то странно посмотрел на меня и тихо спросил:

– Ну теперь у Вас все наладилось?

– В каком смысле? – встрепенулась я.

Не хватало еще Виктору Ивановичу разрушить благоприятное мнение о себе и полезть с расспросами, но он и не собирался это делать.

– Я не хочу причинять Вам боль и копаться в прошлом, поэтому я ни о чем Вас не спрошу, но мне безумно жаль, Лида, если Вы так и останетесь разочарованной в жизни, а еще хуже – попытаете повторить содеянное, – медленно проговорил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.